

ПРОЛЕТАРСКИЕ БАЙКЕРЫ

I

КАЗИМИР ДОБРОДЕЕВ

18+

Казимир Добродеев

Пролетарские байкеры. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Добродеев К.

Пролетарские байкеры. Книга 1 / К. Добродеев — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-08590-9

Действие книги разворачивается в июне 2000 года в вымышленном посёлке Пролетарский. Главные герои: примерный ученик местной школы, убежденный пацифист и толстовец Сергей Харламов и его закадычный друг, троечник и разгильдяй, готовый на любые авантюры, Антон Дробилин. В самом начале романа Сергей встречается с девушкой своей мечты, которая является подругой мотоциклиста из соседнего села. Чтобы добиться её расположения, Харламов вместе с другом попадают в компанию Пролетарских байкеров, а позже сами приобретают мотоциклы. После этого жизнь главных героев стремительно меняется.

ISBN 978-5-532-08590-9

© Добродеев К., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	34
ГЛАВА 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

ГЛАВА 1

Посёлок Пролетарский, затерянный среди невысоких холмов, выглядел опустевшим, словно на него сбросили нейтронную бомбу. Старые кирпичные дома, выцветшие и посеревшие от времени, уныло громоздились вдоль узких улиц с потрескавшимся асфальтом. На крышах из шифера, поросшего мхом, скучали стаи голубей. Изредка по улицам, нарушая устоявшуюся тишину, сонно проезжали немногочисленные автомобили. Высокие тополя и столетние дубы, заботливо высаженные вдоль тротуаров много лет тому назад, играли молодыми зелёными листочками на ярком утреннем солнце. Во дворах кое-где одиноко посиживали на скамейках старушки, и малочисленные дети от полутора до трёх лет с сосредоточенным выражением лица тихо ковырялись в песочницах. Было 9 часов утра. Взрослая часть населения уже работала, а несовершеннолетние пребывали в школе и детском саду.

Школа в посёлке была одна. Она представляла собой невысокое здание в 2 этажа, рассчитанное на 600 учеников. В общем, обычная кирпичная поселковая школа, коих сотнями построили в далёких 1970-х годах силами студенческих стройотрядов. И в школе этой был завершающий учебный день. Для выпускников уже отзвенел последний звонок, и их давно отпустили по домам – готовиться к экзаменам. Прошла школьная линейка, и ученики помладше разбрелись по своим учебным кабинетам на классные часы, чтобы выставить годовые оценки.

Сергей Харламов – ученик 10 класса А, с опухшим лицом сидел за первой партой и внимательно слушал слова своей классной руководительницы – Нины Георгиевны Шпаковой, которую ученики между собой звали «Бомбой» за увесистую нижнюю часть туловища. Нина Георгиевна диктовала годовые оценки, которые Сергей старательно выводил на последней странице своего дневника. Оценки, как всегда, у Сергея были хорошими, и он переживал лишь за алгебру, по которой у него троек и четвёрок было поровну. Поэтому он с замиранием сердца ждал, когда Нина Георгиевна начнёт оглашать оценки по этому предмету. Алгебру она почему-то приберегла напоследок. Наверное, потому, что по этому предмету у всего класса были самые плохие оценки, и каждый раз, когда она называла чью-то «тройку», ее бросало в длинные обличительные речи о том, как низко скатился этот ученик. Сладко причмокивая, она с нескрываемым удовольствием дополняла свои проповеди наставлениями, суть которых сводилась к тому, что нужно меньше ходить по дискотекам и заводить романы со сверстниками, а больше времени посвящать чтению умных книг и учёбе. Фамилия Сергея была почти в самом конце классного списка, поэтому он отрешённо слушал нудную речь Нины Георгиевны, глядя в окно, и даже иногда зевал. Когда учительница произнесла его фамилию, Сергей вздрогнул и повернул голову в её сторону. Внутри у него всё сжалось: от этой оценки зависело всё. Родители обещали ему купить мотоцикл, если по итогам года он снова станет хорошистом, а о мотоцикле Сергей мечтал давно, и не просто мечтал: бредил им во сне и наяву.

– Четвёрка. Молодец Харламов! Ты в этом году у нас снова хорошист. Правда, учительница по алгебре сказала, что поставила тебе эту четвёрку авансом, в надежде на то, что в следующем году ты будешь более старательно относиться к её предмету.

Но окончание монолога Нины Георгиевны Сергей уже не слышал. После слова «Четвёрка» он быстрым небрежным движением руки черкнул в дневнике нечто похожее на цифру 4 и звук в его голове отключился. Он уже представлял себя верхом на новеньком мотоцикле «ИЖ» несущимся по главной улице посёлка. Он уже видел завистливые взгляды местных парней и вожаемые лица красивых девчонок. Но его приятные мысли нарушил громкий топот одноклассников, которые вскочили сразу же, как только Шпакова закончила свою длинную напутственную речь, и побежали к учительскому столу с дневниками, чтобы получить роспись «Бомбы».

Сергей неторопливо встал и, взяв свой аккуратно обёрнутый дневник, раскрытый на последней странице, подошёл к столу Нины Георгиевны. Спешить ему было некуда, поэтому он дождался, когда Шпакова всем распишется, и положил перед ней дневник последним. Учительница поставила свою размашистую роспись и напоследок сказала:

– Серёжа. Ты бы мог и лучше учиться. Мог бы на медаль потянуть, если бы больше времени уделял подготовке домашних заданий, а не шатался по улицам с этим двоечником Дробилиным из 10 В. Если ты в следующем году подтянешься не много и первое полугодие закончишь на одни «пятёрки», я помогу тебе исправить четвёрки по тем предметам, которые пойдут в аттестат.

– Хорошо, Нина Георгиевна, буду стараться! – весело кивнул Сергей, сгрёб со стола свой дневник и пошёл в школьный двор, где его уже ждал «двоечник Дробилин» по кличке «Бита». Так начались каникулы.

Школьная территория располагалась на окраине посёлка, и была отгорожена от внешнего мира металлическим решётчатым забором, который не красили уже лет десять. В своей прошлой жизни забор этот был синего цвета, но сейчас часть синей краски облетела и местами оголила прежние слои покрытия жёлтого и красного цветов, а в некоторых местах – коричневую ржавчину. Школа располагалась в самом центре двора, перед ней была небольшая асфальтированная площадь с квадратной цветочной клумбой в центре. Клумбу окаймлял невысокий бордюр из красного кирпича, и в ней росли яркие хризантемы красного и белого цвета. Цветы были высажены таким образом, что сливались в незатейливый узор из красных и белых полос, расположенных по диагонали. К площади примыкала асфальтированная дорожка, протянувшаяся от школьных ворот. За школой находилось футбольное поле и баскетбольная площадка, а перед площадью, у забора – небольшая аллея из стройных высоких голубых елей, выстроившихся ровными красивыми рядами. По бокам школы расположился яблоневый сад, вглубь которого вела извилистая асфальтовая пешеходная дорожка, местами взгорбившаяся и усеянная трещинами, из которых пучками росла зелёная трава. Сад был небольшой и прекрасно просматривался со всех окон школы. Старые яблони, усыпанные белыми цветами, благоухали. Солнце освещало янтарным утренним светом молодую сочную зелёную листву. В глубине сада затерялась старая дощатая беседка, исписанная автографами учеников. Задувал тёплый утренний ветерок, и где-то в ветвях сладко щебетали птицы. В беседке сидел Антон Дробилин, угрюмо и напряжённо перечитывая свой дневник. Это был молодой человек невысокого роста. Он был нормального для своего возраста телосложения. На его коленях зияли дырами протёртые синие джинсы, которые он в столь раннее время уже успел слегка запачкать землёй. На его широких плечах ярко выделялась красная футболка с каким-то непонятным абстрактным рисунком. На ногах были обуты чёрные спортивные кроссовки. Он сидел на спинке скамейки, поставив ноги на доску, предназначенную для сидения, и его маленькие карие глазки внимательно смотрели в дневник, раскрытый на коленях. Всё его лицо выражало сильное напряжение. Пухленькие губы бесшумно что-то бормотали, а по щекам стекал пот. Его белокурые волосы были взъерошены и имели такой вид, будто он только что проснулся и не успел расчесаться. Он настолько увлёкся своим занятием, что не заметил, как в беседку вошёл Сергей.

– Что там интересного нашёл? – бодро окликнул его Харламов.

– Ой, блин! – подскочил Дробилин, – «Сапёр», ты что ль? Испугал меня до смерти. Давай сигарету.

«Сапёром» Сергея прозвали уже давно, за его неискоренимую тягу к всякого рода пиротехнике, которую он делал преимущественно сам. Из самых разнообразных подручных средств Сергей умудрялся собирать «бомбочки», от взрыва которых после уроков тряслись окна во всей школе. И не то, что бы ему нравилось их взрывать, он больше любил делать их своими руками, и постоянно придумывать что-нибудь новенькое.

Сергей достал пару сигарет, купленных поштучно за 2 рубля в одном из ларьков на пути в школу, закурил, и протянул одну из них Антону. Антон чиркнул спичкой и, заслонив её от ветра ладонью, прикурил сигарету.

– Да вот... Классуха – овца, двойку по поведению влепила за год. Думаешь, если лезвием затереть чутка и до «тройки» дорисовать, «предки» заметят?

– Предки-то может и не заметят... Но вряд ли они поверят, что ты так хорошо вёл себя в этом году, – ухмыльнувшись ответил Сергей.

– Вот и я тоже думаю... А ты чё такой опухший? Пил что ли вчера?

– Нет. Уснул поздно. Не выспался.

– Вроде по домам рано разошлись. Чего это тебе не спалось-то?

– Куприна читал.

– Я тоже поздно заснул. Волновался, что дура эта очкастая «двойбан» влепит мне по поведению, и точно – влепила, как в воду смотрел! А ты сам-то как закончил? – поинтересовался Антон.

– Без троек. За алгебру только переживал, у меня по ней спорная была, но математичка не подкачала... Надо будет ей конфет купить в следующем году.

– Мне б твои проблемы... А «Бомба» наверное замучила у вас полкласса своими нотациями?

– Есть немного. Ну, в общем, как обычно...

Дробилин в очередной раз затянулся сигаретой и, прищурившись, закрыл дневник. Затем он обхватил голову руками, ещё больше взъерошив пальцами свои белокурые волосы на висках, сжался в комок и страдальческим лицом посмотрел на Сергея. Минуту они молча смотрели друг на друга, после чего Антон убитым голосом произнёс:

– Блин, ну как я с таким дневником домой пойду!?? – а потом вздохнул и добавил, – Эх, раздолбай – я, раздолбай! Армия меня ждёт после школы... Надо было после 9 класса в технарь какой-нибудь поступать.

Сергей отряхнул скамейку от пыли, положил на неё свой дневник в целлофановой обложке и, подтянув свои чёрные брюки с выглаженными стрелками, присел рядом с другом. Он сочувственно посмотрел на Дробилина, который теперь сидел выше него, на спинке скамейки и продолжал самокритично клеймить себя за плохую успеваемость. Внезапно Сергей спросил Антона:

– Слушай, «Бита», а ты на кого хотел бы учиться?

– Да ты знаешь, «Сапёр», мне по большому счёту по фигу, на кого учиться. Главное чтоб учиться не сложно было. Образование получишь какое-никакое, дворником работать уже не пойдёшь...

– А кем пойдёшь?

– А не один хрен? Кем возьмут тем и пойду. Сейчас же не смотрят, какая у тебя специальность. Главное что б диплом был. Диплом, блин, – синяя бумажка. Как говорится, без бумажки ты – кашка, а с бумажкой – человек. А мне на самом деле по фигу кем работать – всё одно, главное чтоб платили.

– Нет, ну всё-таки, должна же быть у тебя любимая профессия? Может, в детстве кем-нибудь стать мечтал?

– Ну не знаю... Водителем, наверное, работать хорошо. Машина под жопой всегда и бензин халявный. Точно, я бы, наверное, водителем работать хотел. А ты?

– А я вообще в институт строительный после школы хочу поступить. Всю жизнь мечтал архитектором стать. Буду новые дома проектировать. Люблю придумывать и создавать что-то новое, красивое и необычное. Как здорово, переносить задуманное на бумагу, и видеть, как твой замысел затем воплощается во что-то вещественное рабочими руками. А здания и дома – это отдельная тема. Они стоят веками. Меня уже не будет на свете, а здание, которое

я спроектирую, будет стоять, как живое напоминание обо мне, как продолжение работы моей мысли.

– Да, «Сапёр». У тебя получится в институт поступить. Ты умный, а мне хоть технарь на тройки закончить, и больше ничего не надо. Устал я уже учиться. Всё учусь, учусь и учусь, как завещал нам Ленин, а толку нету никакого. Как был дураком, так и остался. Я бы вообще школу по добровольному желанию сделал: хочешь – учись, а не хочешь – работай. Что толку от того, что такие, как я, идиоты, штаны за партой просиживают каждый день. Булочки в школьной столовой переводят, портят школьное имущество. Не дело это, Серёга. Не дело... Но выбора мне не оставили... А ещё говорят, что у нас в стране – демократия! – с досадой вздохнул Дробилин.

– А кто тебя заставляет учиться? Брось школу и иди – работай! Всё в твоих руках... – справедливо возразил «Сапёр».

– Кто, кто? Предки заставляют... – развёл руками Антон, – Да и кем я работать сейчас пойду? Дворником?

– Вот видишь... Ты сам себе противоречишь. Демократия у нас в стране всё-таки есть, но на кой чёрт нужна такая демократия, когда каждый сам за себя. Кто тебя возьмёт на нормальную работу, когда ты не одного предложения без ошибок написать не можешь. И если раньше в СССР была выстроена такая система, при которой людей заставляли учиться, назначали отстающим вожатых, которые помогали подтянуть знания, то теперь образование – вещь сугубо добровольная: хочешь – учись, а не хочешь – не учись. Никто за уши тянуть не будет. Сейчас чтобы в школу окончить – целое состояние нужно: на учебники, на питание, на охрану, и так далее, и тому подобное. А вот скажи мне, у кого нет таких денег, что им делать? Безграмотными оставаться? Ведь среди них есть умные люди, которые хотят учиться, но не имеют материальной возможности. Про институты я вообще молчу. А потом у нас в правительстве удивляются: «Откуда у нас в стране проституция взялась? И почему у нас преступность такая высокая?». Все хотят жить нормально, да только не все могут себе это позволить. Чтобы зарабатывать хорошие деньги – нужна хорошая работа, чтобы найти хорошую работу – нужно получить хорошее образование, а чтобы получить хорошее образование – нужны хорошие деньги. Замкнутый круг. А ты говоришь «Демократия»... – с этими словами Сергей плюнул на землю, но из-за того, что обычно он этого не делал, плевок получился у него неестественный, в некоторой степени даже наигранный. «Бита» заметил это и немного ухмыльнулся. Он ничего не ответил, да и ответить ему на самом деле было нечего. Он знал Сергея с первого класса, и уже давно привык к такого рода «заумным» речам с его стороны. Переспорить его было не возможно, поэтому всякий раз, когда речь заходила о политике, или как-то касалась её, Антон просто внимательно слушал своего старого друга, при этом, не понимая и половины из того, что он говорил. Но он всегда верил в то, что Сергей – умный парень, и раз уж он что-то говорит, значит, так оно и есть.

Заметив ухмылку на лице Дробилина, Сергей укоризненно посмотрел на него, и, решив, что его слова прозвучали не убедительно, хотел было продолжить свою пламенную речь, но «Бита» и рта ему не дал открыть:

– Слушай, Серёга, а что это мы всё об учёбе, да об учёбе? Лето ж начинается! Каникулы! Давай забудем об этой школе на три месяца? – с мольбой в голосе попросил Антон.

– Ладно, уговорил... – ответил Сергей, и его смуглое темноволосое лицо расплылось довольной улыбкой. Лицо у него было вытянутое, в общем, как и он сам. Сергей был высоким худощавым подростком. Всегда был аккуратно причёсан и опрятно одет. В школу приходил в светлой рубашке, наутюженных чёрных брюках и начищенных ботинках. Лицо всегда выглядело по-детски добрым и наивным. Над узкими широкими губами располагался мелкий курносый нос и большие круглые зелёные глаза с неестественно длинными ресницами. Над гла-

зами на выпуклом лбу у него росли узкие округлые брови, настолько правильной формы, что издали казалось, будто они нарисованы фломастером.

Он был слегка близорук от того, что всё свободное время проводил за чтением книг. Он читал их дома запойно и, не обращая внимания на шум и плохое освещение. Эта его привычка пагубно сказалась на его зрении, и в свои 16 лет он уже вынужден был при чтении надевать очки. Он плохо видел в сумерках, и с трудом различал лица людей вдалеке, но одевать очки в повседневной жизни стеснялся, так как в кругу жестоких школьников мог прослыть «очкариком» и «ботаником», а он хотел заслужить для себя другую репутацию. Сергей имел довольно зрелые взгляды на жизнь, хотя и слегка наивные, сформированные под воздействием книг. Любовь ему представлялась непременно верной и до гроба, дружба – преданной и беззаветной, взрослая жизнь – порядочной и честной. Он никогда надолго не покидал родной посёлок и прирос к нему всей душой. Он не представлял своей жизни за его пределами, и мечтал стать уважаемым и почётным жителем, оставить свой след в его истории.

Сергей наклонился и, задушив истлевшую сигарету об землю, выбросил её в урну. Затем он достал из кармана пачку жевательных резинок, и, положив пару подушечек себе в рот, протянул её «Бите». «Бита» взяв две жвачки, бросил окурочок под скамейку, где он продолжал тлеть ещё несколько минут, и, обращаясь к Сергею, сказал:

– Сегодня вечером пляски будут возле клуба. Сходим туда костями потрясти?

– Да я как-то не знаю... – растерянно промямлил Харламов, – Стесняюсь я танцевать при людях... Столько будет народа, все будут смотреть...

– Так это ты просто трезвый стесняешься... Выпить надо! Я тут пару мест знаю, в которых дешевым бухлом можно разжиться. А выпить у «Паука» в гараже можно. У него и музыка там есть и закуски целый погреб.

– Может, другое место найдём? У «Паука» постоянно народу много. Да и контингент, сам знаешь... Там все местные забулдыги соберутся. Придётся делиться с ними, а у нас денег только на одну бутылку наберётся, да и то, если повезёт.

– Не придётся! – отрезал Антон, – ты думаешь, они там минералку сегодня пить будут? Праздник же! У них там у самих «бухла» будет выше крыши. Глядишь, на танцульки на мотоциклах нас привезут. Перед тёлками рисонёмся, может даже крутанём с кем-нибудь... А тебе Серёг какие тёлки нравятся?

– Не тёлки, Антох, а девушки. Девушки – они. Не любят они, когда их тёлками называют. Девчонки мне нравятся честные, верные, умные, заботливые. Желательно без вредных привычек, хотя сейчас таких уже, наверное, и нет, Чтоб не очень высокая была, и не очень маленькая, ну росточком, чуть пониже меня... – в этот момент мечтательный монолог Сергея с ухмылкой перебил Антон:

– Сиськи, чтоб были 3-го размера, жопа, как у «Бомбы», правильно?

– Ну почему ты такой пошлый, Антон?! – закатив кверху глаза, возмутился Харламов, – мне абсолютно не важно, какая у неё будет жопа. Главное чтобы её внешность не была слишком отталкивающей. Но и слишком красивая мне тоже не нужна. Красивые девчонки – не постоянны. К тому же чем они красивее, тем меньше у них мозгов.

– Вот так взял и обосрал всех красивых тёлочек одним махом! – рассмеялся «Бита».

– Почему обосрал? Это – закон физики. Во всём должен существовать баланс. Сила действия равна силе противодействия. И если где-то что-то прибавилось, значит в другом месте – неизбежно убавится. Если Бог наградил человека красотой, значит, он обделил его мозгами, это уже давно подмечено.

Антон не выдержал:

– «Сапёр», ну какой ты всё-таки занудный бываешь временами: «не очень высокая, не очень маленькая, не страшная, не красивая» – это ж бред. Это же какое-то описание средне-

статистического (это слово Дробилин выговорил лишь с третьей попытки) человека, которых тысячи ходит. Я тебя прошу описать одну единственную тёлку своей мечты!

– Ну, хорошо, а тебе какая девушка нужна? – обиженно спросил Сергей.

– Мне? – переспросил Антон, – Мне нужна непременно блондинка, с длинными ногами, с круглой жопой, большими сиськами и голубыми глазами. Мне абсолютно по хрену, насколько она будет честная и сколько у неё мозгов. Обилием мозгов я и сам не блещу, как ты знаешь, – в этот момент Антон взял с колен свой дневник и помахал им перед носом Харламова, – А самое главное – чтоб она давала...

– Чего давала? – не понял «Сапёр».

В ответ Антон прищурил глаза, и с довольным лицом произнёс, сладко растягивая каждую букву:

– Траахааться!

– И это всё? Это и есть девушка твоей мечты? Которая перед всеми ноги раздвигает?! – раздосадовано вскрикнул Сергей, вскочив от возмущения со скамейки, – Это всё о чём ты мечтаешь? Всё чего ты ищешь? А ты не задумываешься о том, скольким она уже давала до тебя!?? Не думаешь, кому она давала? Может она СПИДом тебя заразит, или триппером. Ты не думаешь об этом?

– Да ладно, не кипятись ты, Серый, «презики» же есть. Можно подумать, что тебе потрахать не охота... Ведь охота же? Сознайся!

– Это физиологические особенности переходного возраста. Другими словами – гормоны. Они в каждом из нас присутствуют. И это скорее – инстинкты, а не желания. Я не животное, которое тупо поддаётся своим инстинктам, при этом, не имея никаких высоких чувств к объекту своих желаний. Для меня это – не цель. Я ищу себе девушку не для этого. Мне нужны более возвышенные отношения. Если когда-нибудь наши отношения перейдут на более высокий уровень, и мы оба будем к этому готовы – то я буду счастлив... А если нет... Ну что ж, я буду уважать её выбор и ждать, когда этот день настанет. Я всю жизнь прекрасно обходился без этого, могу и ещё столько же обойтись...

– Этак ты всю жизнь девственником проходишь, с такими мыслями... – с упрёком и досадой возразил Антон.

– Зато проживу её как человек... – грустно парировал Сергей, снова усаживаясь рядом с Антоном.

– Нет, тёлку по-любому надо искать, а то так и окончим школу, не потрахавшись... – робко сказал Антон, и зачем-то нарисовал на обложке дневника силуэт обнажённой женщины, – Слушай, а как ты думаешь, она меня из армии будет ждать?

– Такая, какая тебе нужна – не будет! – насупившись, ответил Харламов, – а ты что же, в армию собрался?

– Конечно! – с рвением ответил «Бита», – Вот технарь, или каблуху какую-нибудь закончу, и обязательно пойду! Мой отец говорит, что армия пацана в мужика превращает!

– А я вот думаю, что наша современная армия пацанов делает калеками и унижает их человеческое достоинство! Чему сейчас в армии учат? Траву красить зелёной краской, да жирным генералам бесплатно дачи строить! А то ещё и на войну с чеченцами в качестве пушечного мяса могут отправить... – ухмыльнувшись, возразил Сергей, и вновь какая-то волна внутри него подняла всё, что у него накипело, и он снова встал со скамейки, вышел в центр беседки, видимо, чтобы Антону его было лучше видно, и, темпераментно жестикулируя руками, начал свою очередную пламенную речь: – Твой отец служил в другое время. Тогда престижно было в армию идти, и не брали туда кого попало... А сейчас набирают в армию имбецилов всяких и наркоманов отмоороженных, которые там беспредел творят. Поэтому нормальные люди туда идти не хотят. Откупаются, косят под дураков и тому подобное. Я много слышал историй от пацанов, которые служили. Они рассказывали мне, как над ними издевались, били, и как они

голодными сидели по несколько дней. А многие вообще домой в цинковых коробках приехали, потому что их там забили до смерти... А ты говоришь, из тебя мужика сделают... Я не думаю, что мужиком становится тот, кто 2 года ходит с синяками и разбитым носом. Заставит тебя «дед» висеть всю ночь над ним упёршись руками и ногами в решётку кровати, а если коснёшься его ненароком, они тебя избивать всей толпой будут, пока сознание не потеряешь. Причём избивать всем, что под руку подвернётся: ногами, швабрами и даже табуретками. Эта забава у них «сушёный крокодил» называется, и ещё много чего такого есть. Ты и так умом не блещешь, а оттуда вообще дураком приедешь...

– А кто такие имбецилы? – спросил напуганный Антон.

– Это... – Серёга задумался ненадолго, – в общем, что-то вроде дебилов, только ещё тупее.

– Ещё тупее?! – удивлённо переспросил Антон, с такой интонацией, будто в жизни никогда не думал о том, что бывают на свете люди ещё тупее, чем дебилы, а потом с какой-то надеждой и даже мольбой в голосе спросил, – А ты в армию не хочешь?

– Я – пацифист! – заявил Харламов.

– Пофигист? – изумлённо переспросил Дробилин.

– Не пофигист, а – пацифист! Я не хочу в армию! Это против моих убеждений! Не хочу вычёркивать 2 года из своей жизни. Не хочу, чтоб всё это время надо мной издевались, и использовали меня в качестве мальчика для битья. А кроме того я в принципе не приемлю насилия и кровопролития!

– Не хочешь долг Родине отдавать? – насупившись, спросил Дробилин с оттенком укора в голосе.

– А я пока своей родине не должен ничего... – парировал Харламов, – Если бы эта "родина" вложила в меня хоть копейку, которую я должен был вернуть ей своей службой – тогда другой разговор. Но пока те, кто управляют моей родиной – напротив, лишь вытягивают из нас всё больше и больше денег. Так что кто из нас кому должен – это большой вопрос... Вот если война начнётся, с Америкой там, или другими какими-то чужеземцами, тогда – да, я пойду в армию. Но пойду я туда воевать не за холёных генералов и нашу преступную власть, которая мою семью на нищенское существование обрекла и родителей вынудила скитаться с одной работы на другую... Воевать я буду, чтобы защитить своих близких от чужаков... И Родину свою... Вот этот посёлок, где каждый пенёк и травинка мне знакомы с детства...

– А как же ты собираешься откосить?

– Я же тебе говорил, что в институт буду поступать. У них там кафедра военная есть, после неё я звание лейтенанта запаса получу и военный билет...

– Теперь, говорят, после военных кафедр тоже призывать стали... В Чечне сейчас очень толковые офицеры нужны... Так что смотри, такими темпами можешь в стройбат загреметь, после архитектурного! – ухмыльнулся «Бита».

– Да меня может ещё по здоровью не возьмут... – не унимался Сергей, – у меня плоскостопие и близорукость.

– Ну а чем же ты планируешь заниматься эти 2 года вместо армии?

– Женюсь, детей заведу. На квартиру буду деньги понемногу копить...

– Замучаешься копить... Да и жениться тебе пока не на ком. Я вообще раньше 30 лет жениться не собираюсь.

– А не поздновато?!

– В самый раз. Я молодой ещё. Побухать, оторваться хочу. Для себя поживу, с тёлками с разными погуляю, а уж потом жену себе буду выбирать. Куда торопиться-то? Жениться никогда не поздно!

– Не скажи... А как же дети? Ты же хочешь детей завести?

– Дети-то? Ну, заведу одного, – задумчиво сказал Антон, – мне больше не надо. Шуму много от них и хлопот, и «бабла» на них много тратить нужно. А какой от них толк? Никакого! Только спят, жрут, кричат и какаются! Я уже даже не уверен, стоит ли их вообще заводить?

– А как же продолжение рода? Ведь мы же должны оставить после себя кого-то? Мы умрём, а кто продолжит то, что мы начали? Да и ведь дети приносят не только хлопоты, но и радость. Разве не интересно смотреть, как они делают свои первые шаги, говорят первые слова? Как они растут, развиваются, становятся похожими на нас? По-моему – это чудесно. Я бы хотел иметь детей, и не меньше двух. Чтобы демографию выровнять.

– Демо... чё? Ты иногда такие слова говоришь, что я начинаю думать, что ты – не русский. Всё равно ты меня не убедил. Детей я иметь не хочу. Ну, в крайнем случае – одного, маленького-маленького. И кормить его поменьше, чтоб реже какался...

– Да, ты – маньяк какой-то! – поражённо воскликнул Сергей.

Солнце близилось к зениту. На улице становилось душно. В школе прозвенел звонок, и, распахнув массивную школьную металлическую дверь, на улицу высыпала толпа девятиклассников, у которых только что закончился классный час. Сергей с Антоном решили идти по домам. Антон, взял дневник в руку и, с трудом приподнявшись, слез со скамейки. Размяв затёкшие ноги, он потихоньку побрёл по пешеходной тропинке вслед за «Сапёром» в сторону дороги.

На дороге у самой площади верхом на бело-синем мотоцикле «Иж Планета-3» стоял молодой человек. Он сидел в седле, обеими руками держа руль. Правая нога его стояла на подножке, а левой – он опирался на землю, удерживая равновесие. Он был одет в чёрные ботинки и старый спортивный костюм. Лицо его было покрыто прыщами и веснушками. У него были тёмные жирные волосы и карие глаза, крючковатый нос с горбинкой и заострённый подбородок. Парень явно кого-то ждал. Он периодически поглядывал на толпу девятиклассников, выходящих из школы.

Антон с Сергеем медленно шагали по тропинке, и оценивающе рассматривали мотоциклиста.

– Иж Планета-3! Как тебе мотоцикл, «Сапёр»? – спросил Антон.

– Да так себе, – ответил Сергей, – Мне «Юпитеры» больше нравятся. Буду на «Юпитер-5» родителей уговаривать. Они обещали мне мотоцикл купить, если я 10 класс без троек закончу.

– Мотоцикл? Круто! – с завистью сказал «Бита».

– Слушай, а что это за гоблин на мотоцикле сидит?

– Ты чё? Это ж «Трактор» из соседнего села. Колька Тараканов. Он там – пацан видный. У него «шобла» своя есть, человек 20. Ну, типа, как у нас «Паук».

– Понятно, – сухо ответил Сергей.

В этот момент из школы вышла девчонка лет пятнадцати. Не худая и не толстая, не высокая и не низкая. В общем, самая обыкновенная из всех девчонок. Сергей невольно уставился в её сторону и продолжал смотреть, не отводя глаз. У неё были чёрные, словно уголь волосы, собранные в хвост на затылке и глаза цвета небесной синевы. Глаза её были настолько яркими, что Сергей разглядел их цвет даже с такого внушительного расстояния. Ещё он разглядел напояженные губы ярко-алого, кровавого цвета и ногти на руках, синие джинсы, подпоясанные ремнём с большой хромированной пряжкой, туфли на каблуках, и розовую майку с детским изображением улыбающегося солнышка. Девушка торопливо шла в сторону, стоявшего на дороге «Трактора» громко цокая своими каблучками по серому школьному асфальту.

– Слушай, а это кто такая? – застыв на секунду, растерянно спросил «Сапёр».

– Это-то? Это – Алёнка. Она тоже в селе Куликовом живёт. Чё, понравилась? На тёлок деревенских начал западать? – с насмешкой ответил Антон.

– Да иди ты!.. – обиделся Сергей, а потом мечтательно протянул, – Алёёёнка...

В этот момент Алёнка поцеловала «Трактора» в прыщавую щёку и залезла на его мотоцикл. На лице Сергея мечтательность мгновенно сменилась досадой. Такая перемена происходит на лице алкоголика, который нечаянно разбивает вожаделенную бутылку водки. Трактор привстал с мотоцикла и, оттопырив правой ногой рычаг кикстартера, резко подпрыгнул на нём всем своим весом. Мотоцикл заревел и быстро помчался в сторону школьных ворот. Сергей с грустью и завистью посмотрел им в след, и задал Антону очередной вопрос:

– Девчонка его?

– Да вроде... Они вместе всё время катаются. В школу вместе приезжают, со школы уезжают. Да куда тебе до него? У него вон видишь, какой мотоцикл? Тёлкам нравятся пацаны на мотоциклах.

– Ничего. Скоро у меня тоже будет мотоцикл, ещё даже покруче чем у него. Обделаю его, дуги поставлю, покрасшу в какой-нибудь красивый цвет, задок задеру. Тогда мы посмотрим, чьей она будет девчонкой, – будто успокаивая себя, ответил Харламов.

– Ой, Серёга, не советую я тебе связываться с ним. Он – отмороженный на всю башку! И пацаны из его компании – сущие звери! Покалечить могут, не хуже, чем в армии!

– Я с ним связываться и не собираюсь! Разве я похож на гея? Я с Алёнкой связаться хочу. Очень уж она понравилась мне. Поговорю с ней, обЪяснюсь: так, мол, и так. А она пускай думает с кем ей быть. Если любит она своего «Тракториста», пусть остаётся с ним, я себя никому навязывать не собираюсь, ну а если я ей больше понравлюсь, то мне будет плевать на этого прыщавого «Гоблина» и на всех его пацанов вместе взятых. Алёнка сама имеет право на выбор, отбивать или уводить её силой я не буду.

– Ох и опасную игру ты затеял «Сапёр», – сочувственно сказал Дробилин, – Я историю одну слышал об этом «Тракторе». Один пацан из деревни Куликово хотел у него бензин с мотоцикла слить. Тараканов подловил его за этим делом, и со своими отморозками поколотил сначала неслабо, а потом привязал к своему мотоциклу и по всему полю протащил на большой скорости. Тот весь окровавленный еле до медпункта дополз. Его потом 2 месяца в больнице отхаживали, еле живой остался.

Сергей с ужасом посмотрел на Антона, но ничего не ответил. Они медленно прошли весь школьный двор по дороге, и вышли за ворота. Крепко пожав друг другу руки, они направились в разные стороны. Путь Сергея Харламова пролегал по небольшой старой улочке, утопающей в листве тополей. Укрывшись от палящего солнца в тени четырёхэтажных «Хрущёвок», Сергей тихо брёл по тротуару, и думал об Алёне: «И почему я прежде её никогда не видел? Учимся в одной школе, проходим мимо друг друга плечо в плечо каждый день. Как я не заметил её раньше? Раньше, чем этот Куликовский отморозок... Ведь нельзя же было не обратить внимания на такую красивую девушку. Всё потому что я слишком много времени отдавал учёбе. Зубрил, как последний «ботаник», и не думал больше не о чём. Ничего не видел дальше своего учебника. А жизнь проходила мимо. Вот и её упустил... Ну ни чего, этим летом всё наверстаю. Всё, что проходило мимо... Всё что так глупо упустил... Впереди – целых три месяца без учебников и школы. Этого времени достаточно, чтобы переломить ход моей судьбы и всё исправить...»

С такими мыслями Сергей добрался до своего дома. Он жил в одной из многих однотипных кирпичных четырёхэтажек, коих в посёлке набралось бы больше десятка. Построенный в середине 1950-х, большой серый дом с двухскатной крышей, стоял в маленьком и спокойном дворе, где изо дня в день шла тихая размеренная жизнь. Очутившись в этом дворе, сложно было с первого раза определить, какой шёл год. Обстановка в таких местах не меняется десятилетиями. Сергей вошёл в подъезд и зашагал вверх по бетонным ступеням. В подъезде стоял резкий запах мочи и повсюду валялись окурки. Небрежно окрашенные синей краской стены были исписаны неприличными словами и рисунками пошлого и низкопробного содержания.

Сергей жил на третьем этаже в маленькой 2-х комнатной квартире с родителями и младшей сестрой. Он позвонил в звонок, и дверь ему открыла мать, которая совсем недавно пришла с работы на обед. Это была невысокая смуглая женщина лет сорока, одетая в цветастый домашний халат и тапочки. Внешне она была очень похожа на своего сына, вернее наоборот. Те же большие зелёные глаза, курносый нос и распушенные тёмные волосы. Правда, в данный момент волосы его матери были перекрашены в какой-то тёмно-малиновый цвет. Мать была очень строгой женщиной. Она всегда очень ревностно относилась к успеваемости сына. Когда-то она окончила школу с золотой медалью, а впоследствии в институте получила красный диплом. Наверное, поэтому оценок ниже «четвёрки» она не признавала... Большую часть жизни его мать проработала на местном заводе агрегатов главным бухгалтером, но в начале 1990-х завод обанкротился и его закрыли. В то время многие люди лишились своей работы, завод был для посёлка главным работодателем и источником доходов. После того, как его закрыли, в посёлке началась разруха. Многие в то время уехали жить в город, но мать Сергея осталась. Деньгами семью обеспечивал муж, который работал водителем на большегрузном «КАМАЗе». Через несколько лет одна коммерческая фирма построила в посёлке кемпинг, и мать Сергея устроилась туда экономистом, там она работала и по сей день.

Сергей вошёл в квартиру, вытер ноги о коврик, лежавший на полу, и снял ботинки.

– Ну, как оценки? – спросила мать.

– Без троек... – грустным голосом ответил Сергей.

– Без троек? А почему такой грустный? Ну-ка дай-ка я посмотрю твой дневник! – засомневалась мать.

Сергей молча протянул ей свой дневник и пошёл на кухню обедать. Его матери невдомёк было, что её сын расстроился не из-за оценок. Откуда ей было знать, что сейчас творилось у него на душе. Не знала она и о том, что из его головы не выходила девушка, которую он увидел сегодня возле школы. Он ел горячий куриный суп и продолжал думать лишь о ней.

Кухня в квартире была маленькая, как и во всех квартирах такого типа, но в ней было уютно, и чувствовалась рука заботливой хозяйки. В отличие от всех остальных комнат, в которых полы были дощатыми, на кухне был настелен линолеум жёлто-зелёного цвета с причудливым рисунком. Стены были отделаны белой кафельной плиткой, а на потолке висела люстра с большим зеленоватым плафоном. В кухню из коридора вела белая застеклённая дверь. У стены сразу у входа стоял маленький квадратный столик, устланный бордовой скатертью. Вокруг столика были расставлены четыре табуретки. Одна из них еле уместилась в углу у окна. Сидеть на ней можно было, лишь вплотную прислонившись животом к столу. Это было обеденное место младшей сестры Сергея, потому что она была единственным человеком в семье, который мог туда протиснуться. По другую сторону от окна стоял холодильник, а вдоль стены выстроились в ряд кухонные шкафчики, сделанные из похожего на светлую древесину ДСП. В столешницу одного из шкафчиков была встроена металлическая мойка. Среди кухонных шкафчиков причудливо затесалась старая газовая плита советского производства. На стене над плитой висела газовая колонка, а над столешницей – аккуратные навесные кухонные шкафчики.

– Смотри-ка, правда, без троек! – удивлённо воскликнула мать, сидевшая рядом с Серёжей за столом, внимательно изучив его дневник. В этот момент в кухню вошёл отец, и, обращаясь к жене, сказал:

– Ну, что, Катюш, наверное, так и придётся ему этим летом мотоцикл купить.

В этот момент Сергей остановил ложку супа у рта и, затаив дыхание, внимательно посмотрел на мать.

– Ой, не знаю... – засомневалась мать, – Не люблю я эти мотоциклы. Каждый год кто-нибудь разбивается на них.

– А ты не задумывалась о том, кто разбивается? Оболтусы всякие! Они либо пьяные ездят, либо носятся, как угорелые... Наш-то сын не такой. Он аккуратно будет водить. Мужуку

с молодости нужно к технике привыкать. К тому же мы ему обещали, а обещания нужно держать, – настаивал отец.

Сергей, молча наблюдавший за диалогом родителей, с надеждой в глазах смотрел на мать, и лишь изредка кивал головой, соглашаясь со словами отца. В конце концов, мать сдалась:

– Ладно, уговорили. Получу зарплату – купим. А ты Серёж, пока поспрашивай, кто продаёт мотоцикл. Только хороший выбирай!

Сергей весело переглянулся со своим отцом, и продолжил есть свой суп из металлической эмалированной тарелки.

Отец у него был замечательный. Он всегда вступался за сына, когда его ругала мать. От него пахло мазутом и бензином, но все домашние уже давно привыкли к этому запаху. Просидев полжизни за баранкой, Алексей Харламов (отец Сергея) приобрёл какое-то невозмутимое спокойствие, и производил впечатление мудрого и надёжного человека, на которого можно положиться в любой ситуации. Его волосы тёмные с проседью были аккуратно уложены, он всегда был опрятен и чисто выбрит. Носил густые усы. В свои 45 лет он был крепок и полон сил. Единственным недостатком его была тяга к спиртному. В такие моменты он становился не выносимым и не управляемым. Если он начинал пить, то мог не просыхать целую неделю. Он напрочь забывал о работе, из-за этого его даже чуть было не уволили. Когда он был пьян, ему ничего не стоило накричать на жену, а один раз он её даже ударил. Когда он становился таким, Сергей искренне ненавидел его. Он убить готов был своего родного отца, за те истерики, которые он спяну устраивал матери. Мать много плакала, и несколько раз, вместе с Сергеем и его сестрой (Светой) уходила к бабушке, которая жила на другом конце посёлка. Год назад его закодировали, и с тех пор он больше не пил ничего крепче чая. Жизнь потихоньку наладилась. Родители даже купили компьютер и новый большой телевизор.

Сергей доел суп и, помыв посуду, отправился в детскую комнату. В этой комнате большую часть времени, находились они с сестрой. Деревянный пол в ней был застлан большим узорчатым красным ковром, который зимой (во время перебоев с отоплением) создавал дополнительное тепло и комфорт для чувствительных детских ног. На ковре у окна стоял большой письменный стол, произведенный на Ульяновской мебельной фабрике. Рядом со столом, в углу громоздился большой старый шифоньер. От его глянцевиных створок ярким белым пятном отражался дневной свет, падающий из окна. У стены, напротив двери, стояла двухъярусная кровать и низкий трельяж с зеркалом. Весь трельяж был заставлен пёстрыми разноцветными бутылочками самых разнообразных форм и размеров. Там были духи, крема, дезодоранты и самые различные средства гигиены. Рядом с кроватью на серой засаленной стене висели ходики, выполненные в виде увеличенных наручных часов.

Света – младшая сестра «Сапёра» сидела за столом, на деревянном стуле со спинкой и играла в какую-то игру на компьютере. Она вернулась со школы немного раньше своего брата и уже успела поесть.

– А у тебя, Свет, опять одни пятёрки?

– Ага! – весело ответила она, не отрываясь от монитора.

В комнату вслед за Сергеем вошёл, его отец:

– Серёж, мы с матерью ушли на работу. Вы тут, если есть захотите, суп разогревайте. Он в холодильнике стоит. Деньги на дискотеку – на журнальном столике. И на случай, если у тебя будет желание поупражняться в езде, я тебе ключ от дедовского гаража на тумбочке оставил, возле телефона. У деда мотороллер старый был, я правда не знаю, заводится ли он, может там уже давно всё сгнило. Ну, в общем, если хочешь, сходи с друзьями, глянь. Почините может быть, покатайтесь...

– Ладно, бать, спасибо.

ГЛАВА 2

Квартира «Сапёра» состояла из двух комнат. Дверь в детскую, в которой на двухъярусной кровати спал Сергей и его сестра, находилась в комнате родителей, которая одновременно служила залом. По ширине детская уступала залу, зато в длину была такой же. В зале, как и в детской на дощатом полу, окрашенном краской цвета «детской неожиданности» был наклеен большой узорчатый бело-коричневый ковёр, расписанный причудливыми орнаментными узорами красного и синего цветов. Дверь в детскую была белого цвета и находилась в метре от стены с окном и балконной дверью. В углу между дверьми, ведущими на балкон и в детскую, на невысокой деревянной тумбочке стоял большой японский телевизор. По другую сторону от двери в детскую громоздился деревянный гарнитур, в нише которого находился музыкальный центр, а на его полках за стеклянными дверцами было много книг. Напротив окна, на стене оклеенной светлыми обоями тоже висел ковёр, который очень напоминал напольный, но был размером поменьше. У стены, прислонённый к коврику стоял старый потрёпанный синий диван, на котором спали родители. Справа от дивана была дверь в коридор. Возле этой двери стоял маленький журнальный столик. За дверью вдоль комнаты родителей протянулся узкий длинный коридор, по одну сторону которого была кухня, а по другую – прихожая.

Прихожая представляла собой тесное квадратное помещение, примыкавшее к коридору. Напротив коридора в углу возле входной двери стояла тумба, на которой находился старый домашний телефон красного цвета с белым диском для набора номеров. У входной двери лежал квадратный серый коврик, об который все вытирали ноги. По другую сторону от двери у стены стояла деревянная вешалка для одежды, с подставкой для обуви и полкой для головных уборов. Напротив входной двери, слева от коридора находилась дверь, ведущая в туалет и ванную. Туалет и ванная располагались в одном помещении.

Сергей, зевая, вышел из комнаты в зал, и, схватив с журнального столика сторублёвую бумажку, оставленную ему отцом, уверенными шагами проследовал в прихожую к телефону. Подняв трубку, он с характерным треском закрутил телефонный диск, набирая номер Дробилина, который знал наизусть. В трубке прозвучал сонный голос Антона:

– Алё...

– Антон, ты что, спишь?

– Да...

– На «моторашке» не хочешь покататься?

– На какой «моторашке»? – понемногу оживляясь, спросил Антон.

– Ну, на мотороллере моего деда. Он в гараже стоит. Только бензина в нём нет. Купим литра 2, и попробуем завести его.

– А дед ругаться не будет? – с недоверием в голосе спросил Антон.

– Не будет. Он умер 5 лет назад... В общем выходи. Встречаемся, где обычно, – ответил Сергей и положил трубку. Затем он прошёл по коридору на кухню и, открыв створку одной из столешниц, начал рыться внутри и что-то искать. Обнаружив пустую двухлитровую пивную баклажку, он с самодовольным видом вернулся в прихожую, и, взяв с тумбочки ключи, велел сестре закрыться и вышел в подъезд.

Местом встречи двух верных друзей неизменно была одна из веранд бывшего детского сада. Этот детский сад располагался примерно посередине пути от дома Харламова до дома Дробилина, поэтому если они одновременно выходили из дома навстречу друг другу, то встречались именно в этом месте. Кроме того, днём там было тихо и безлюдно, и можно было покурить, не опасаясь, что увидит кто-то из знакомых или учителей.

Этот детский сад был самым старым в посёлке. В 1988 году в связи с его перегруженностью, в посёлке Пролетарский был построен и сдан в эксплуатацию новый большой двух-

этажный детский садик неподалёку. Оба они поначалу были заполнены детьми, но с приходом 1990-х годов, когда рождаемость снизилась, старый детсад опустел, и его закрыли за ненадобностью. Потом в нём какое-то время были кружки для школьников, но и их вскоре, из-за недостатка финансирования, не стало... Маленькое здание детского сада забросили, и, казалось, на этот раз уже – окончательно. За эти несколько лет, стены исписали недетскими словами, кое-где разбили окна, и охотники за цветными металлами сняли несколько пролётов решётчатого стального забора из нержавеющей стали, а прилегающую территорию облюбовали местные наркоманы, которые толпами собирались вечерами в верандах и варили какие-то зелья из конопли.

Сергей пришёл в садик первым. Скамейку в веранде давно сломали, и на её месте остались лишь уныло торчащие из бетонного основания пеньки, поэтому Сергей сидел на корточках, курил свою сигарету и думал. В веранде повсюду были разбросаны окурки, шприцы и пустые бутылки. Думать в таком месте о чём-то возвышенном было не просто, но Сергей старался: «Эх, какая же она классная, эта Алёнка. Поскорей бы родители мне на мотоцикл денег дали. Я бы подъехал к ней и познакомился. Она бы точно заметила, что мой мотоцикл круче, чем у её «Гоблина». Да и я сам, наверное, не такой страшный, как он. Интересно, как ко мне отнесётся Алёнка, когда мы встретимся. Ведь, может быть, она тоже никогда не обращала на меня внимания, так же как и я. То, что я заметил её сегодня утром, ещё не значит, что она тоже меня увидела... А если я ей не понравлюсь? Что тогда? Что, если она, правда, любит своего Тараканова? Что я буду делать без неё?» – в своих мыслях Сергей судорожно искал ответ на этот риторический вопрос, но ответа на него, естественно не нашёл.

В веранду вошёл заспанный Антон. После обеда он уже успел переодеться в другую майку и причесать волосы.

– Серёг, зачем баклажка? За пивом идём? – пробубнил он сонным голосом.

– За бензином. Я же тебе по телефону говорил.

– Да я спросонья не понял ни хрена из того, что ты говорил. Я, как со школы припёрся, пожрал, и сразу спать брякнулся, а потом ты меня разбудил... – виновато ответил «Бита».

– Родители ругали за двойку?

– Да, нет, слава Богу. Сказали, что поведение – это не самый главный предмет, и что им по фиг, какая у меня по нему оценка. Подкалывают только весь день...

Сергей хмыкнул, затушил окурочек об бетонный пол, привстал с корточек, и, кивнув, в сторону дороги, сказал: «Пойдём на заправку!»

Старая заправка находилась на трассе. Идти до неё было километра два. Был разгар рабочего дня и спёртый душный воздух, пропахший бензином, сгустился над асфальтом. На заправке было тихо. Ни машин, не людей. Молодая кассирша уныло скучала в своей раскалённой маленькой будке и листала модный женский журнал. Её покой нарушил темноволосый коротко стриженный молодой человек, который просунул в окошко 100 рублей и, громко кашлянув, сказал:

– Девушка, нам, пожалуйста, 2 литра 76-го бензина.

Девушка медленно отвела взгляд от журнала, и, посмотрев в окно, оценивающе взглянула на «Сапёра»:

– Куда будете заправлять?

– В тару! – уверенным голосом ответил Сергей, и указал на «Биту», стоявшего возле колонки. Антон в это время пытался засунуть в баклажку заправочный пистолет. Он нервничал, и громко пыхтел, раздувая ноздри. Кассирша молча взяла деньги, пробила Харламову чек и торопливо отсчитала сдачу. Сергей, взяв деньги, направился к Антону, который ковырялся возле колонки с пластиковой бутылкой и пистолетом. Пистолет никак не хотел влезать в горловину, и Антону пришлось изрядно потрудиться, чтобы затолкать его туда. Когда ему, наконец, это удалось, он нажал на рычаг и бензин под напором хлынул в баклажку. Но тут скопившийся внутри воздух выбил пистолет из бутылки и обрызгал бензином с ног до головы обоих

парней. Растерявшийся «Бита» матюгнулся и поспешно направил пистолет в горловину. Засовывать его снова времени не было, и к тому же Антон уже знал, что это бесполезно. Бензин лился широкой струёй, и лишь часть него попадала в горловину, а другая его часть стекала по баклажке и впитывалась в раскалённый асфальт. Кое-как нацедив половину бутылки, Антон повесил пистолет на колонку и закрутил крышку. Сергей стоявший поблизости, весь забрызганный бензином, остолбенеv глядя на Антона, с упрёком сказал:

– Ну, молодец!

– А чё я? Я что ли виноват? Сам бы попробовал, раз такой умный! Надо было канистру брать, а не бутылку из-под пива! А теперь я ещё и крайний! – возмутился Антон.

Кассирша, наблюдавшая за всем происходящим через своё окошко, с укором тихо пробормотала сама себе: «Когда же они только нанюхаются! Эти токсикоманы проклятые! Каждый день таких человек по пять с бутылками приходят. И каждый раз все в бензине уходят отсюда...»

С половиной 2-х литровой баклажки бензина парни отправились в гараж покойного деда Харламова. Идти пришлось достаточно долго, так как гараж находился в старой части посёлка. Это примерно километрах в четырёх от заправки.

Старая часть посёлка – это небольшое барачное поселение, наспех возведённое военными строителями в середине 1950-х годов, которое местные жители между собой называли «Шанхаем». Это были самые первые строения в посёлке Пролетарский. В одном из них, кстати, жил Антон Дробилин. Бараки были одно- и двухэтажные и за всю свою долгую жизнь ни разу не ремонтировались. Естественно, вид у них был ужасающий: отвалившаяся штукатурка и покосившиеся окна, сквозные трещины в стенах, через которые можно было заглянуть в чью-нибудь квартиру, и сгнившие трубы. Во второй половине 1980-х годов их планировали снести и переселить жильцов в новый благоустроенный дом, который собирались строить неподалёку, но, с развалом огромной страны, о проекте забыли, и он остался лишь на бумаге, а о новостройке напоминал лишь огромный котлован, выкопанный под фундамент, и поросший за это время густой травой и кустарником. В той же старой части посёлка находился гаражный массив. Это был целый лабиринт беспорядочно настроенных гаражей разных цветов и размеров. Человек, ни разу не бывавший там, мог запросто заблудиться в хитросплетении гаражных рядов. Ряды гаражей то шли по прямой, то петляли, то закручивались в хитроумную спираль, а иногда даже раздваивались. Это был целый мир, посёлок в посёлке, в котором царили свои ценности, и свои законы.

Гараж, в который шли Сергей с Антоном, находился почти в самом начале массива. Он был маленьким и хлюпким, ряды кирпичей, формировавших стены, были неказистыми и кривыми, ворота были узкими, и сквозь жёлто-серую краску, покрывавшую их, проелась наружу ржавчина. Этот маленький убогий гаражик так смешно затесался между двух высоких больших гаражей, что со стороны казалось, будто его насильно затолкали в этот промежуток ногами. Сергей достал ключ и сунул в проржавевший замок. Ключ не поворачивался. Сергей изо всех сил тужился, пытаясь повернуть его, но ничего не вышло.

– Дай, я попробую! – решительно сказал «Бита», пытаясь как-то реабилитироваться за казус на заправке. Сергей покорно отошёл в сторону, и Антон с рвением приступил к открыванию замка. Он сорвал себе все пальцы на обеих руках, но проклятый ключ не поворачивался.

– Бесполезно, – спокойно сказал Сергей, – Замок заржавел. Смазать бы надо. У тебя есть дома машинное масло?

– За каким фигом мне держать дома машинное масло? Сливочное есть и подсолнечное, а машинного – нет, машинное батя в гараже хранит. Но, постой-ка, тут у «Паука» гараж не далеко, он там постоянно виснет. Можно пойти и попробовать стрельнуть у него...

– Пойдём! Куда деваться?! – ответил Сергей, пожав плечами, и они пошли в другой ряд гаражей, расположенный через 2 ряда от них. Проходя по грунтовой посыпанной щебнем

дороге, парни увидели где-то вдалеке 4 мотоцикла. Они аккуратно были припаркованы в ряд возле ворот, и сверкали на солнце яркими бензобаками и хромированными выхлопными трубами. Это и был гараж «Паука», а мотоциклы снаружи оставили парни из его компании. «Пауком» сокращённо называли Павла Укрытцева – одноклассника Антона. Это был темноволосый высокий крепкий молодой человек, который выглядел значительно старше своих лет, но, несмотря на свой суровый вид, Павел был на редкость добрым и отзывчивым человеком.

Антон с Сергеем распахнули калитку синих ворот и вошли в гараж. Стены гаража были оштукатурены и побелены. Повсюду на стенах висели дорожные знаки и автомобильные номера. Возле правой стены стоял железный верстак, а за ним длинная череда стеллажей, сверху донизу забитых мотоциклетными запчастями. На верстаке в двухкассетном магнитофоне играл тяжёлый рок, и лежала целая стопка новых пластиковых стаканчиков. В центре гаража стоял чёрный мотоцикл «Днепр», а позади него валялась отцепленная мотоциклетная коляска. На мотоцикле сидел «Паук» с бутылкой и одноразовым пластиковым стаканчиком, а вокруг него сучковались ещё 5 человек. Трое находились по правую сторону от мотоцикла: угрюмый небритый здоровяк с длинными волосами, собранными в хвост, сидевший на пустом деревянном ящике, за ним – абсолютно лысый, беззубый, худой и высокий молодой человек, сидевший, покачиваясь спьяну, на ведре, а последний в этом ряду – Светловолосый парень с тёмными кругами вокруг светлых голубых глаз, который сидел на сидении, снятом с мотоциклетной коляски. По левую сторону мотоцикла на импровизированной скамейке из доски лежащей на двух стопках белых кирпичей сидели ещё два человека: маленький рыжий парень с веснушками и тёмно-русый весёлый толстяк в полосатой футболке. У каждого из них в руке был белый пластиковый стаканчик, а прямо перед мотоциклом стояла вскрытая стеклянная трёхлитровая банка с солёными огурцами. Увидев вошедших Антона и Сергея, Павел встал с мотоцикла, поставил на пол бутылку и стакан, убавил музыку и поздоровался с ними за руку:

– Здорово, пацаны! Какими судьбами? Выпить хотите?

– Нет, Паш! Мы на халяву пить не привыкшие... Мы выпить вечером зайдём, со своим, так сказать, самогоном, – скромно замялся «Сапёр», – а сейчас, нам бы маслица машинного... Замок смазать...

– Маслица? Сейчас организуем! – весело отчеканил Укрытцев, – а вы пока проходите, знакомьтесь. Вот это Женя – «Мамонт», – указал он на волосатого здоровяка, – а этот лысый – Санёк – «Пельмень», а этот вот, с мешками под глазами – Юра – «Филин», там за мотоциклом – «Шмель» в полосатой майке и рыжий «Друппи», Прошу любить и жаловать, – сказал Павел, и, взяв с верстака один пустой стаканчик из стопки, пошёл в глубь гаража. Пробираясь вслед за ним, Антон с Сергеем всем жали руки и повторяли на перебой три короткие фразы: «Сапёр!», «Бита!» и «Очень приятно!». Павел вытащил откуда-то из-под стеллажа, замавленную грязную канистру белого цвета и нацедил из неё полный стаканчик машинного масла.

– На, держи! – сказал он «Сапёру», завинчивая крышку, и протянул стаканчик.

– Спасибо, – с трепетом взяв стаканчик, чтобы не расплескать масло, ответил Сергей, а потом, выдержав недолгую паузу, робко спросил, указывая на стеллажи забитые запчастями:

– Слушай, а откуда всё это?

– Запчасти-то? Сам собирал, с миру по нитке... Что-то знакомые приносили, что-то на свалке нашли... Но это – всё мелочи! Большую часть этих деталей мы сняли с ворованных мотоциклов, скупленных по дешёвке у кое-каких барыг. И нам – польза, и они – не в накладе! Только об этом никто не должен знать... – откровенно поведал «Паук», у которого от самогона уже развязался язык.

– Не волнуйся, никому не скажем. Ну, ладно. Мы, пожалуй, пойдём. Может, вечером зайдём к вам выпить перед дискотекой... – тихо сказал Антон.

– Заходите, если что... – провожая парней к воротам, сказал «Паук» и вновь прибавил громкость на магнитофоне.

Сергей с Антоном вернулись к гаражу, и, наклонив навесной амбарный замок, влили в замочную скважину добрых полстакана смазки, и оставили его висеть, чтобы масло впиталось. Когда масло начало просачиваться из всех щелей и стекать на землю, Сергей вставил ключ и с лёгкостью повернул его. Замок щёлкнул и открылся. Сергей распахнул калитку, и во мраке гаража поднялось облако густой пыли. Антон просунул голову внутрь, а затем, недоумённо посмотрев на Сергея, спросил:

– Ну, и где он?

Сергей неторопливо вошёл в гараж. Едкая пыль ударила ему в нос, он сморщился и громко чихнул. Нашупав в темноте рубильник, он включил свет. Вслед за ним в гараж вошёл и «Бита». Мотороллера действительно нигде не было: повсюду был разбросан всякий хлам: трубы, доски, какое-то тряпье и ржавые бочки.

– Я думаю, он валяется где-то вон в той куче барахла! – указывая на груды мусора в углу, ответил «Сапёр», – надо бы прибраться, там будет видно...

– Я что-то не пойму... Мы что, сюда убираться пришли, или «моторашку» заводить? – с недовольством воскликнул Антон.

– Одно другому не мешает, – парировал Сергей, и сдёрнул с кучи хлама большую грязную тряпку, похожую на синий рабочий халат. В воздух поднялось облако пыли, частички которого яркими белыми точками сверкали в прямом луче света, падавшем из распахнутой калитки. Из-под тряпки показался руль мотороллера сероватого цвета с чёрным застеклённым спидометром посередине. Мотороллер был снизу доверху завален мусором.

– Вот он! Вот он! – радуясь, как ребёнок, закричал «Бита». Сергей, сворачивая тряпку, самодовольно улыбнулся. Парни нашли белый целлофановый мешок и стали собирать весь мусор, который в него мог уместиться. В него переместились все тряпки, пустые бутылки, старые мягкие игрушки, насквозь пропитанные пылью, банки с засохшей краской и длинные доски, предварительно сломанные пополам правой ногой Дробилина. Когда мешок был заполнен, они взяли ещё один.

Среди хлама Сергей находил и полезные вещи. Так, например, он нашёл набор гаечных ключей и большую железную банку с надписью «Порох». Обнаружив эту находку, Сергей сразу изменился в лице. Он стал с сосредоточенным видом и этой банкой в руках бродить по гаражу в поисках ножа. Когда ему удалось найти нож, он отковырял крышку и, понюхав серый порошок находящийся внутри, с довольным видом сказал:

– Смотри-ка, правда – порох! Только, неизвестно, сколько он тут уже лежит, может он уже давно отсырел...

– Ну, проверь, – посоветовал Антон.

Харламов отсыпал небольшую кучку пороха на бетонный пол гаража, и, убрав банку подальше, чиркнул своей зажигалкой. Порошок с характерным шипением сверкнул яркой белой вспышкой, и на полу осталась лишь щепотка пепла.

– И ни капли не отсырел! – удивлённо воскликнул «Сапёр», – Это – полезная находка, нужно её подальше убрать.

– Опять будешь бомбочки делать? – с ухмылкой поинтересовался Дробилин.

– Буду, но не сегодня... Сегодня мы поедем кататься!

– Как интересно! А если мы его не заведём?

– Заведём! Куда мы денемся?

«Бита» расцвёл в улыбке. Ему нравился позитивный настрой друга, ведь его редко можно было увидеть в таком расположении духа. Обычно он занудничал, сыпал бесчисленными цитатами из прочтённых книг, или, как сегодня утром, выказывал недовольство положением дел в стране. Теперь же он сам на себя был не похож, из него фонтанировала энергия и позитив, всё горело у него в руках, и он беспрестанно улыбался.

Дробилин, не разгибая спины, с полной отдачей сил помогал Сергею. Он собирал целыми охапками разбросанную по всему полу рухлядь, и, как заведённый, метался к мусорному мешку. Когда он набирал очередную порцию мусора, из него вывалилось что-то большое красное и круглое, похожее на горшок. Этот предмет с звонким грохотом покатился по гаражу, и остановился у самых ног «Сапёра». Сергей поглощённый уборкой, отвлёкся, и, подняв с пола прикатившуюся к его ногам вещь, внимательно осмотрел её. Это был старый советский открытый шлем с откидным визором из стеклопластика.

– Эге! – с удивлением воскликнул «Бита», – это дед твой гонял в нём?

Сергей бережно положил шлем в верстак и утвердительно кивнул.

– Модный был старичок! – улыбнулся Дробилин.

– Мода тут не причём... – тихо и с оттенком тоски пожал плечами Сергей и, вспомнив своего покойного деда, с которым он любил когда-то ездить на рыбалку, добавил: – Дед просто всегда соблюдал правила. Раз положено ездить в шлеме, значит, он должен был его иметь. Тут где-то, кстати, есть ещё один, пассажирский...

Закончив с уборкой, друзья открыли ворота и, взяв веник, смели на улицу всю пыль с пола. В гараже стало чисто и убрано. Отряхнув от пыли штанины, «Сапёр» удовлетворённо осмотрел весь гараж. На бетонном полу в углу у ворот стояло 2 мешка с мусором, 4 ржавых трубы и старая сломанная стиральная машина. В другом углу ворот стоял покрашенный деревянный стол, который парни тоже освободили от всего лишнего. На столе остались лежать лишь пара жестяных банок из-под кофе, наполненных скобяными изделиями, стопка старых газет, линейка из нержавеющей стали и простой карандаш. Под столом, рядом с ножками старого хлипкого табурета, лежали 5 аккуратно сложенных в стопку силикатных кирпичей и старая паяльная лампа. Мотороллер «Тулица», освобождённый от кучи хлама стоял в дальнем углу гаража. Бело-зелёный корпус был покрыт пылью и паутиной. В противоположном углу виднелась хлипкая этажерка на колёсиках. На полочках этажерки стояли и играли бликами стеклянные банки различных типов и размеров, а также пустое 15-литровое ведро из оцинкованной стали. После уборки гараж стал казаться опустевшим.

– Ну вот! Красота! – самодовольно воскликнул Сергей, – Совсем другое дело! Ещё бы мотороллер помыть, и вообще прекрасно было бы!

– Помоем. Нужно только его завести. А там поедем на озеро и обязательно помоем, – согласился Антон.

Сергей подошёл к мотороллеру, лежащему на полу и, взяв его за руль, отдёргнул от стены, на которую он был упёрт. Затем он выкатил его в центр гаража, выдвинул ногой центральную подставку, и резко приподняв задок за хромированный багажник, поставил мотороллер на неё. Вытащив ключ зажигания, который торчал в замке, торцевой его частью он открыл замок крышки капота и поднял её вверх. Под капотом он обнаружил маленький белый аккумулятор.

– Сел, наверное... – предположил «Бита», стоявший по другую сторону мотороллера, и внимательно следивший за действиями Сергея.

– Конечно, сел, – отсоединяя клеммы проводов от аккумулятора, ответил «Сапёр», – его, по меньшей мере, лет пять не заряжали, и вообще, чёрт его знает, работает ли он ещё... У тебя дома выпрямителя нет?

– А это что? – недоумевая, спросил Дробилин.

– Ну, это – такой прибор, от которого аккумуляторы заряжают.

– Серёг, ты меня поражаешь порой. Ты чё думаешь, я в гараже живу? Думаешь у меня дома все полки забиты машинным маслом и этими... Как ты сказал?

– Выпрямителями.

– Точно! Выпрямителями. Я, конечно, понимаю, что до моего дома отсюда ближе идти, чем до моего гаража, но всё же это ещё не значит, что у меня там склад автозапчастей и принадлежностей...

– Тогда пошли к «Пауку».

И парни, сняв с мотороллера аккумулятор, вновь отправились в гараж Укрытцева. Войдя в ряд, издали они заметили человека в странной позе. Возле гаража Павла, стоя на четвереньках, и блестя на солнце лысой головой, издавал громкие звуки пьяный «Пельмень». Он изрядно перебрал с алкоголем, и теперь его обильно рвало. Парни прошли мимо, а он, не обращая на них никакого внимания, продолжал заниматься своим делом. Судя по всему, на улице он был уже давно, так как весь успел изваляться в траве и грязи. Антон подошёл к нему и, брезгливо наклонившись над лужей рвоты, тихонько сказал «Сапёру»: «Да, лапша, по-любому, с кетчупом была!»

Сергей, усмехаясь, вошёл в гараж, а вслед за ним вошёл и Антон. В глаза сразу же бросились произошедшие там перемены. Музыка играла на полную громкость, и её было слышно с самого начала ряда гаражей. Возле мотоцикла на полу уже валялось три пустых бутылки, а банка огурцов наполовину опустела. Юра «Филин» беззаботно спал в мотоциклетной коляске у стены, рыжий маленький «Друппи» сидел на своей скамейке, обхватив голову руками и уставившись в бетонный пол. Время от времени его немного покачивало. Опыанение не затронуло лишь здорового «Мамонта» и толстого «Шмеля» которые по-прежнему бодро сидели на своих прежних местах, да и «Паук» был не на много пьянее. У него лишь сильнее развязался язык, и он переместился поближе к «Мамонту», заняв место «Пельменя», чтобы было удобнее разговаривать. Увидев «Биту» с «Сапёром», Павел оживился, подскочил к ним, и, убавив громкость магнитофона, весело сказал:

– Ну, наконец-то вы пришли! А то мне уже и выпить не с кем. Эти три тошнотика – уже в ауте, а «Мамонт» со «Шмелём» могут цистерну самогона выпить и ни капли не захмелеть. С ними даже говорить не интересно, они смотрят на меня, как на пьяного дурака...

– Паш, мы к тебе вообще-то по делу... – робко ответил Харламов.

– Опять маслица? – заинтересовался «Паук».

– Нет. У тебя есть выпрямитель?

– Конечно, есть. У какого же байкера нет выпрямителя?! А на хрена он вам?

– Да вот аккумулятор нужно проверить, рабочий или нет. А если рабочий, то нужно зарядить, – разъяснил «Сапёр».

– О, пацаны, да вы никак техникой обзавелись?! – заинтересовался Павел, – Если не секрет, чё за агрегат?

– «Моторашка»... – со смущением сказал Харламов, а потом, как будто оправдываясь, добавил, – Да это так... Временно. Я себе «Юпитер» вообще собираюсь покупать.

«Паук» улыбнулся, взял в руки их аккумулятор, и понёс его к верстаку. На ходу он, оглянувшись через плечо на «Сапёра», сказал:

– Мотороллер для начала тоже неплохо. Я вообще на мопеде ездить начинал... «Карпаты» назывался. Через неделю так его раздолбал, что даже деталей потом некоторых не нашёл... А с покупкой «Юпитера» могу посодействовать. Постараюсь разузнать, не продаёт ли кто-нибудь «Иж Юпитер-5».

На верстаке стоял красный выпрямитель. Паук выкрутил из аккумулятора пробки, воткнул штепсель выпрямителя в розетку, и зацепил обе прищепки за клеммы аккумулятора. Затем он внимательно посмотрел на амперметр и сказал парням:

– Аккумулятор у вас ещё хоть куда. Ток держит. Разрядился, правда, до минимума, так что ждать долго придётся...

– Хреново... Мы его сегодня завести собирались... – с досадой сказал «Сергей».

– Ну, возьмите на время мой аккумулятор, пока ваш не зарядится. У меня их – три. Если хотите, я за одно с вами прогуляюсь, да помогу вам «реанимировать вашего старичка».

– Давай! – обрадовался «Сапёр».

«Паук» порывлся на одной из полок своего верстака и вытащил оттуда новенький белый аккумулятор. Чтобы убедиться в его работоспособности он взял лампочку и два куска провода. Когда он подсоединил её к клеммам – лампочка загорелась. Это означало, что аккумулятор работает. Взяв его, он с размаху распахнул калитку и вышел наружу. За воротами послышался грохот и чей-то истошный вопль. Антон с Сергеем вышли следом и увидели лежащего в собственных рвотных массах «Пельменя». Оказалось, что «Пельмень» стоял снаружи, придерживаясь за ворота, чтобы не упасть, а «Паук», распахнув дверь, свалил его на землю. Павел тоже понял это. Он извинился перед Александром, и, получив невнятный ответ, небрежно ухватил его под мышки, и брезгливо, боясь испачкаться, затащил в свой гараж.

Парни вернулись к себе. «Паук», увидев мотороллер, саркастически сказал: «Вот оно! Чудо технической мысли!» и деловито принялся за работу: он подсоединил аккумулятор, опустил капот и включил зажигание. На панели мотороллера под рулём загорелась красная лампочка.

– Бензин залили уже? – осведомился он.

– Нет ещё, там в баклажке стоит, – растерялся «Сапёр»

«Паук» взял баклажку, поднял сидение и открутил горловину бензобака, но прежде чем налить в него бензин, спросил Сергея:

– А ты в бензин масло добавлял?

– Нет. А зачем?

– Понимаешь, «Сапёр», на всех отечественных мотоциклах, кроме «Днепра» и «Урала», стоят двухтактные двигатели, и принудительной системы смазки у них нет. Поэтому смазку добавляют в бензин. Если ты будешь свою «моторашку» чистым бензином заправлять, у тебя через неделю движок застучит, а ещё через неделю – вообще поршень заклинит.

– Удивительно! Я этого не знал... – опешил Харламов и протянул «Пауку» полстаканчика масла, которое у них осталось от смазки замка, – А его много надо?

– Да нет, не много. Я одну крышку от баклажки на литр бензина вливал в свой мопед, – ответил Павел и, залив в баклажку вышеуказанное количество смазочного материала, начал её бултыхать. Перемешав содержимое, он заправил вспененную жидкость в бак, и опустил седло. Затем он снова поднял капот, открыл бензиновый кран и подкачал бензин в карбюратор. Он попытался завести мотороллер с ключа, двигатель лишь пожужжал немного, но не завёлся. Тогда он откинул кикстартер, и попытался завести его ногой, но это тоже оказалось пустой тратой времени.

– Ладно, парни, там походу всё масло в движке застоялось, так мы его не заведём. Давайте толкать. Ты «Сапёр» за руль садись, а мы тебя разгонять будем, когда я скажу, включишь первую скорость. Это должно сработать... – с досадой сказал «Паук». Они опустили капот и сняли мотороллер с подставки, затем выкатили его наружу. Сергей уселся верхом и приготовился жать на педаль переключения скоростей, а Антон с Павлом упёрлись руками в багажник и изо всех сил побежали. Когда они разбежались до такой скорости, что рубаха Харламова надулась пузырьём, Укрытцев крикнул: «Жми!»

Сергей нажал педаль, и из двигателя раздалось сначала тарахтение шестерёнок, а затем – громкий хлопок. Заметив испуг на лице «Биты» Павел поспешил его успокоить:

– Антон, не бойсь! Толкай! Сейчас он прочихается и заведётся... Там все детали застоялись, им надо разработаться немного.

И действительно метров через десять мотороллер громко затарахтел и дальше Сергей поехал уже своим ходом. Вспотевшие и запыхавшиеся парни довольно переглянулись и пошли обратно в гараж. «Паук» даже отрезвел после такой пробежки. А «Сапёр», не помня себя от радости, гнал по ряду во всю прыть. Его обдувал встречный ветер, благодаря чему он уже не ощущал духоты, мучавшей его с самого обеда. Его охватило неповторимое ощущение полёта и свободы. Он впервые ехал на таком транспортном средстве, но чувствовал себя, как рыба в

воде. Управлять им было не намного сложнее, чем велосипедом, а тонкости вождения и правила он знал от отца, который всю жизнь просидел за баранкой. Доехав до конца ряда, он потихоньку развернулся и подъехал обратно к своему гаражу. Заглушив мотороллер, он опёр его на боковую подставку и вошёл в гараж.

– Ну, всё. Поставили мы на колёса твою «моторашку», теперь обмыть надо! Пошли к нам, – весело сказал «Паук» и улыбнулся, сверкнув на солнце своим золотым зубом.

– Мы, Паш, сейчас за самогоном отправимся, и на озеро заедем, мотороллер помыть, а потом уже к вам... – ответил Сергей.

– Зачем ездить-то туда-сюда? Давай мы сами на озеро подъедем, там и побухаем. Только, скажи, через сколько вы там будете, – предложил Павел.

Задумавшись на мгновение, Харламов сказал:

– Ну, подъезжайте через часок.

– Добро! Я тогда пойду, попробую привести в чувства этих алкоголиков... – весело ухмыляясь, ответил «Паук» и удалился. «Сапёр» с «Битой» остались одни. Они затворили скрипучие ворота, и заперли гараж на замок, а затем, усевшись на седло мотороллера, стали рассуждать, где лучше купить спиртное.

– Поехали в Куликово! – предложил Антон.

– Не, не поеду! Здесь давай купим, – наотрез отказался «Сапёр».

– Но, почему? Ведь там самогон дешевле и лучше! – недоумевал Антон.

– Да я знаю, но стыдно как-то ехать туда на мотороллере... Вдруг меня там Алёнка увидит. Она надо мной смеяться будет.

– Ой, блин! Опять ты за своё! Да забудь ты уже о ней! Не пара она тебе. Что ты зациклился на этой Алёнке? Тебе здесь что ли девчонок мало?

– Да, но мне-то она нравится. Зачем мне другие? Может я её полюбил?

– Ты что книжек старинных перечитал? Нет никакой любви на свете. Это писатели всякие придумали, чтобы таким дурачкам, как ты мозги запудрить... Сейчас у нас киношники всяких монстров и инопланетян придумывают, чтоб людям фильмы смотреть интересно было, а в те времена они «любовь» также выдумали. Не забивай себе голову этим дерьмом. Не будет она с тобой, вот увидишь. Никогда!

– А я верю, что любовь есть. И, кажется, теперь я знаю, что это такое. Я больше думать не могу ни о ком, кроме Алёнки. И я верю, что мы с ней будем вместе. И очень скоро.

– Балбес... – с тоской сказал «Бита», – Но переспорить тебя невозможно. Поехали тогда к бабе Вале, на улицу Гоголя!

Сергей повернул ключ зажигания. На этот раз мотороллер завёлся со стартера и громко затарахтел. Харламов тронулся и помчался вдоль всего посёлка на маленькую улочку на окраине. Улочка эта состояла всего из трёх оштукатуренных жёлтых домов, в одном из которых жила баба Валя. Бабой Валеи звали местную самогонщицу, которая спаивала своим суррогатом половину Пролетарского. И днём и ночью, назло всем бабы Валиным соседям, в её квартиру шли отдельные люди и целые шумные компании. Самогон у бабы Вали стоил 35 рублей за бутылку, что значительно дешевле любой, даже самой дешёвой магазинной водки. Хотя качество этого самогона оставляло желать лучшего: он пах тухлыми яйцами, а на утро от него сильно болела голова. Сергей с Антоном прекрасно знали эту особенность творения бабы Вали, но выбора у них не было: на водку не хватало денег, а ехать в соседнее село Сергей не мог по личным причинам. Поэтому друзья приехали именно сюда, на улицу Гоголя.

Сергей вошёл в тёмный подъезд один, Антон остался сторожить мотороллер. Баба Валя жила на втором этаже. Сергей поднялся туда в один миг и нажал на кнопку звонка. Через несколько минут дверь со скрипом приоткрылась, и в проёме показалось сморщенное седое лицо бабы Вали. От вида этой бабки у него по спине пробежали мурашки. Нет, она была не страшная. Обыкновенного вида старушка с помутневшими от времени голубыми глазами. Но

вот выражение лица у неё было какое-то недоброе. В нос «Сапёру» сразу же ударил резкий запах дрожжей, которым была пропитана вся её квартира, и ему стало немного нехорошо.

– Чего тебе? – хриплым голосом неприветливо спросила баба Валя.

– Самогонки! – поперхнувшись, тихо ответил «Сапёр» и просунул в дверной проём аккуратно сложенные деньги.

– Жди здесь! – выхватив деньги из его руки, сказала баба Валя и закрыла у него перед носом дверь. Сергею стало не по себе. Он ожидал совсем другого приёма. Из-за двери послышалось позвякивание стеклянной посуды и тихое бульканье. Сергею показалось, что баба Валя не открывает дверь уже целую вечность, и он даже начал сомневаться, уж не обманула ли она его. Но он боялся зря. Вскоре дверь приоткрылась снова, и костлявая рука бабы Вали протянула ему пластиковую пол-литровую бутылку с мутноватой жидкостью. Он взял её, поблагодарил бабку, и быстро спустился вниз.

– Ну, чё, купил? – увидев Сергея, спросил «Бита».

– Купил! Слезай с моего места.

«Сапёр» подбежал к мотороллеру, отдал Антону бутылку самогона, и, усевшись на своё место, завёл мотор.

ГЛАВА 3

Дорога убегала под колёса мотороллера широкой серой лентой. Сергей, словно на корабле, плывущем против течения по узкой речушке, мчался, обдуваемый ветром по объездной трассе посёлка Пролетарский. Позади него сидел его лучший друг Антон. От ветра слезились глаза и развивались волосы. Посёлок остался в стороне и мимо парней пронеслись дорожные столбы и берёзы лесополосы.

Внезапно за крутым поворотом появилась милицейская «десятка», и, словно из земли, выросла фигура гаишника, который, махнув своим полосатым жезлом, приказывал парням остановиться. Сергея охватил ужас. Внутри у него всё затряслось, а по спине побежали мурашки. Водительского удостоверения у него не было, а документы на мотороллер остались дома. Денег, чтобы дать инспектору взятку, Сергей тоже не взял. Поэтому останавливаться он не стал, а наоборот выкрутил гашетку газа до упора и прибавил скорость. Гаишник, то ли подумав, что ребята не заметили его жеста, то ли решив героически остановить их грудью, выскочил прямо на дорогу, и словно в приступе эпилепсии интенсивно замахал своей полосатой палочкой. «Сапёр» еле успел вывернуть руль, чтобы объехать его. Он проехал настолько близко от настырного гаишника, что передним щитком мотороллера выбил из его рук полосатый жезл. Гаишник в растерянности заметался по дороге, не зная, что ему делать: подобрать жезл, или прыгать в машину и гнаться за непокорными нарушителями. В итоге он решил сначала, поднять потерянное государственное имущество.

– «Сапёр», он чё пьяный или больной? Взял и выбежал прямо на дорогу, псих! Жить надоело наверное... – смеясь, и перекрикивая громкое тархтение мотороллера воскликнул «Бита».

А Сергею было не до смеха. Его охватила паника и шок. В тот момент он надеялся только на одно: что гаишник не станет их преследовать... Но надеялся он на это напрасно, потому что вскоре за их спиной послышался вой милицейской сирены. Сергей выжал из своей «моторашки» 90 км/ч, и ему казалось, что она вот-вот развалится, но машина продолжала догонять его. В зеркало заднего вида он видел, как неумолимо сокращается расстояние между ними. Сергей понял, что на трассе ему не оторваться, и решил пойти на крайние меры. Он немного сбавил скорость и свернул с дороги на узенькую тропинку, уходящую в сторону огородов. Огороды начинались метрах в двадцати от дороги, и тропинка была настолько узкой, что, если вытянуть руки, то можно было бы дотронуться до соседних заборов. Машина там никак не проехала бы. Кроме того, огороды тянулись до самого леса, а это было лучшее место, чтобы уйти от погони. Подпрыгивая на кочках, Сергей без оглядки на всех парах летел по тропинке. Антон уже перестал смеяться, а лишь крепче вцепился в своего друга. Дорога аккуратно огибала огород за огородом, и «Сапёр» уже перестал считать повороты, но внезапно тропинка упёрлась в тупик. Харламов даже не успел подумать о том, чтобы затормозить. Мотороллер сходу выломал целый пролёт гнилого забора и с рёвом влетел в чей-то огород. Сломав куст смородины, он промчался по грядке, укатав в землю молодые побеги, только что высаженной рассады огурцов. Затем он проломил противоположный забор и уже поехал по огороду соседей. Сергей мчался по прямой, уже не обращая внимания на встающие на его пути заборы, грядки и кусты. Он видел лишь лес впереди, и любой ценой, как можно скорее стремился добраться до него. По счастливой случайности никого из дачников не было, а то неизвестно чем бы всё это закончилось. Сломав последний забор, Харламов выехал на лесную грунтовую дорогу, и, не сбавляя скорости, помчался по ней через лес в сторону озера. И хотя сзади уже не было милицейской «десятки», «Сапёр» всё равно нёсся во всю прыть. Ему хотелось как можно дальше уехать от этого места. Он опасался что, гаишник объехал огороды и гонится за ним через лес. Конечно, милиционер не стал из-за каких-то малолетних хулиганов гробить

государственную машину на ухабистой лесной грунтовке и вернулся обратно на свой поворот, где и поджидал в данный момент очередного нарушителя.

Постепенно лес начал редеть и, в конце концов, закончился. Сергей с Антоном выехали на спуск к озеру. Харламов по прежнему не сбавлял газу и чем ближе приближался обрывистый берег, тем страшнее становилось «Бите», сидевшему позади. Он сильнее и сильнее прижимался к Сергею, а, в конце концов, не выдержал и заорал:

– Тормози!!! Оторвались мы уже от ментов!

Сергей резко вдавил педаль тормоза в пол, мотороллер дёрнулся, но помчался дальше, почти не потеряв скорости. Сергей нажал рукоятку переднего тормоза на руле, но он тоже не сработал. Тогда он решил остановиться, выключив зажигание, и включив первую скорость, но не успел... Только Харламов повернул ключ, как мотороллер скользнул с крутого обрывистого берега и, пролетев несколько метров, с грохотом и брызгами рухнул в воду. В мгновение ока он скрылся под толщей мутной воды, и увлѣк за собой двоих своих наездников, лишь пузыри выступили на поверхности. Через несколько секунд из воды попеременно вынырнули сначала «Бита», а потом «Сапѐр».

– Ну, ты и кретин! – учащённо дыша и гребя к берегу вскричал Антон, – Ты нас чуть не убил! Сначала мента чуть не раздавил, потом все заборы на дачах переломал, а теперь и вовсе нас чуть не утопил! Да что с тобой такое?

– У меня тормоза отказали... – оправдывался «Сапѐр».

– Тормоза у него отказали... А мозги у тебя не отказали? Куда ты так летел?

– Я думал, за нами гонятся. Если б нас поймали, мне кажется, тебе от этого легче не стало бы...

Вода была холодной. Дрожь пробрала обоих парней от пяток и до самой головы, когда они вышли на берег. «Сапѐр» начал снимать с себя одежду и выжимать её прямо на берегу, а «Бита» сел на корточки и сжался в комок.

– Ты самогонку не потерял? – спросил Сергей, с которого ручьями текла вода.

– Не потерял! – ответил недовольный Антон, и, вытащив из кармана джинсов пластиковую бутылку, кинул её к ногам Харламова.

– Ты бы одежду выжал... Она так быстрее высохнет.

– Ты мне предлагаешь раздеться? Я итак замѐрз, как скотина! – удивился Антон.

– А мокрая одежда, можно подумать, тебя сильно согревает... Щас бы костѐр развести, она бы махом просохла, да и мы согрелись бы, – стуча зубами, ответил Сергей.

– Да. Только зажигалки отсырели. Может, самогона треснем? За одно и согреемся... – с надеждой в голосе предложил Антон.

– «Паука» будем ждать. Закуски нет, а я не могу эту гадость без закуски пить.

– На худой конец сигаретой можно было бы закурить, так они все промокли, по твоей милости... А я ведь говорил тебе: «Поехали в Куликово!» И самогон бы нормальный купили, и денег бы сэкономили, и такая фигня бы с нами не приключилась. Так ведь нет. Он перед Алёной на мотороллере постеснялся показаться! Ну и где теперь твой мотороллер? – в этом месте Дробилин многозначительно поднял палец вверх и сам ответил на свой вопрос, – На дне!

Сергей понурил голову, и, глядя на капли воды, падающие с его носа на землю, с тоской пробубнил:

– Как бы нам его теперь достать оттуда? Жалко ведь. Заржавеет...

– А хрен его знает, как! Трактором зацепить можно, да где ты его тут найдѐшь? В общем, нет у тебя, Серѐга, больше мотороллера. Утоп...

Антон снял с руки блестящие хромированные часы и приложил их к уху:

– Ходят... Вот что значит фирма! Антиударные, водонепроницаемые настоящие Японские часы! Дорогие! Отец подарил на день рождения. Не горят в огне, и не тонут в озере...

– А у меня обычный китайский "попате", – ухмыльнулся Харламов, – И тоже ходят, как не странно. Зачем переплачивать, если результат одинаков...

– Мои – механические. 100 лет проходят, а у тебя батарейка сядет – и можно новые покупать.

– Той суммы, которую твой отец потратил на эти часы, мне как раз хватит на то, чтобы сто лет покупать китайские... – улыбнулся "Сапёр".

В этот момент где-то вдали послышался рокот мотоциклов, который становился всё громче и громче, пока из лесу не показался «Паук» и двое его друзей. Они потихоньку подъехали к сидящим на берегу парням, остановились и заглушили двигатели. «Паук», улыбнувшись и оголив свой золотой зуб, весело спросил:

– О, а вы чё уже искупаться успели?

– Ага, и мотороллер помыть... – с ухмылкой ответил «Бита» сидевший в мокрой, прилипшей к телу одежде, – А вам по пути менты случайно не попадались?

– Нет. Мы же не дураки, чтобы по трассе ехать. Там постоянно «областники» стоят с радаром. Мы через поле ехали. Так и быстрее и спокойнее. Кстати, а где ваш мотороллер? Что-то я его здесь не вижу... Менты отобрали что ли? – вступил в разговор «Мамонт» приехавший к озеру на своём красном «Иже».

«Сапёр», сидевший на корточках в черных трусах, неторопливо встал, подошёл к краю обрывистого берега и, показав пальцем на озеро, с гордостью сказал:

– Он там!

Раздался продолжительный громкий хохот, при чём рассмеялся даже «Бита» который был несколько раздражён происшедшим и злился на Сергея из-за своей промокшей одежды. После того, как хохот стих, «Паук» сквозь смех произнёс:

– Ну, вы даёте, пацаны! В первый раз выехали на «моторашке» покататься, и уже успели её в озере утопить.

– Да утопить-то утопили. Теперь думаем, как её оттуда достать. Трактор, наверное, нужен...

– Зачем трактор? Вытащим, не переживай! – обнадѣжил их «Паук», – Я на своём «Днепре» – Горбатый «Запорожец» «Пельменя» в гараж буксировал, когда он со столбом повстречался. Правда, я тогда с коляской ездил. А на твою пташку дури в моём мотоцикле и подавно хватит... Сейчас только кто-нибудь из вас, раз уж вы мокрые, нырнёт и трос зацепит за неё, пока не стемнело.

У «Сапёра» отлегло с души. Он уж и не надеялся на такое быстрое и лёгкое спасение своего потонувшего мотороллера. Он был очень благодарен «Пауку» за всю ту помощь, которую он сегодня им оказал. В подсознании Сергея мнение об Укрытцеве резко менялось. Ещё утром Павел казался ему отмороженным алкоголиком, а его друзья – мелкой и безмозглой шпаной. Он и пить-то не хотел с ними, а на уговоры Дробилина поддался только по одной причине. Ему нужно было с компанией Укрытцева появиться в каком-нибудь людном месте, вроде дискотеки, чтобы привлечь к себе внимание Алёнки. Компания «Паука» всегда и везде появлялась шумно и весело под рѐв мотоциклов. И местные девчонки долго обсуждали каждый их выход в свет. Лучшего шанса заявить о себе просто не могло быть. А теперь Сергей проникся какой-то необъяснимой симпатией к этому парню и его друзьям. Его поразило, как просто и быстро он решает любые проблемы. Ещё больше его удивило, что он готов был прийти на выручку даже почти незнакомому человеку.

Близился вечер, уже застрекотали сверчки, и, чтобы не терять времени, Антон снял с себя всю мокрую одежду и аккуратно развесил на руле мотоцикла «Мамонта», поставленного на центральную подставку, на берегу. Затем он вместе с "Мамонтом" принялся разводять костёр, а Шмель ушёл в лес за дровами. Павел с сосредоточенным видом привязал к раме своего чёрного мотоцикла длинный металлический трос. Взяв второй конец этого троса, Сергей мед-

ленно залез в воду, и аккуратно побрёл в сторону того места, где затонул его мотороллер. Он увязал в илистом дне и очень боялся порезать ноги, потому что дно было усеяно мусором и разбитыми бутылками. «Сапёр» всё глубже и глубже погружался в воду. Берег был крутой, поэтому, сделав всего несколько шагов, Сергей погрузился в воду по самую шею. Его пробрала дрожь. Вода показалась ему ещё холоднее, чем в прошлый раз. Когда, после очередного шага он не смог нащупать дно ногами, он вплавь развернулся лицом к берегу, и крикнул «Бите» сидящему возле костра:

– Антон, ты помнишь, где это место?

– Ещё проплыви вперёд метр примерно, – уверенно ответил Дробилин.

Сергей проплыл около метра вперёд, набрал в лёгкие воздуха, и с головой погрузился в тёмную холодную воду. Чем глубже он погружался, тем холоднее ему становилось. Вскоре вода начала давить ему на ушные перепонки и зажмуренные глаза. Сделав очередной гребок, он что-то задел рукой. На ощупь он понял, что это руль его мотороллера. Сергей как мог, крепко обмотал конец троса вокруг руля и завязал его узлом. После этого он оттолкнулся ногами от капота и быстро поплыл наверх, потому что ему стало не хватать воздуха. С всплеском вынырнув на поверхность, он изо всех сил вдохнул свежего воздуха и поплыл в сторону берега.

– Ты чё там так долго? Мы уж думали, ты утонул! – крикнул ему «Паук».

– Он глубоко. Метра три, наверное... Ты уверен что получится? Его, по-моему, в ил затянуло...

– Получится, не волнуйся... – спокойно ответил Павел и как только Сергей выбрался на берег, он завёл мотоцикл и выкрутил газ на всю. Мотоцикл с рёвом привстал на дыбы, натянув трос, как струну. Заднее колесо закрутилось на одном месте, вырывая из-под себя куски земли и траву. Но, вскоре он опустился на оба колеса и медленно двинулся вперёд, вытягивая из воды длинный металлический трос. Вслед за тросом из воды показался руль, вокруг которого он был обмотан, а затем и сам мотороллер. Сергей с Антоном запрыгнули в воду и, схватившись руками за переднее и заднее крылья, затащили его на берег. «Сапёр» поставил мотороллер на подставку и сел греться у костра. С мотороллера стекала вода, но зато он был чистый и блестел, как новенький. «Бита» же стоявший рядом с мотороллером, взялся за конец троса и собрался развязать узел, но «Паук» его остановил:

– Не разматывай! Я вас на буксире в гараж повезу.

– Понял. Ты смотри, какой чистый стал! До такого способа мытья мотороллеров, ещё никто, кроме нас не додумался! – смягчившись, сказал Антон, подсаживаясь к Сергею, сидевшему вместе со всеми вокруг костра, и улыбнулся.

– Да уж... Помыли, так помыли! И снаружи и внутри. Теперь вот только весь двигатель придётся перебирать и сушить... – с досадой ответил «Сапёр».

– Не переживай, я завтра помогу тебе. Уж кто-кто, а я толк в перебирании мотоциклетных двигателей знаю. Я однажды «располовинил» движок прямо на дороге. У меня тогда мотоцикл «Иж Планета – 5» был, и в пути двигатель перегрелся так, что поршень в цилиндре заклинило. Я чуть через руль не вылетел с мотоцикла. А из инструмента с собой взял только отвёртку и молоток. Так я за 2 часа его успел собрать и разобрать... – с гордостью сказал «Паук».

– А где остальные твои друзья? – спросил «Сапёр»

– Спят в моём гараже. Я так и не смог привести их в чувства. Для безопасности я их там закрыл. Думаю к моему приезду они протрезвеют, вот только боюсь, как бы мне «Пельмень» люльку не обрыгал... – с опасением ответил Павел. Раздался дружный смех.

«Шмель», грузно привстал, бросил в костёр ещё несколько сухих веток, и они звонко затрещали в огне. Затем он поднял свою сумку, лежавшую в траве, и достал из неё литровую баклажку самогона, запечатанную трёхлитровую банку солёных помидоров и пластиковые стаканчики. «Паук» аккуратно налил самогона на пятерых, после чего с видом бывалого химика сравнил количество налитого, глядя сквозь полупрозрачные пластиковые стенки стаканчиков

на предзакатное солнце, и долил туда, где самогона было меньше. Раздав каждому по 50 грамм спиртного, он вытащил из банки солёный помидор и произнёс:

– Сегодня важный день. Сегодня все мы закончили десятый класс, и перешли в одиннадцатый. Впереди 3 месяца каникул, и я предлагаю выпить за то, чтобы этим летом все мы оторвались на полную катушку.

Все окружающие поддержали «Паука» весёлыми возгласами и, дружно чокнувшись, осушили содержимое своих стаканчиков.

«Паук» безудержно продолжал наливать стакан за стаканом. «Сапёр» с «Битой» уже успели надеть высохшую у костра одежду и прилично захмелеть. Разговор шёл более оживлённо и раскрепощено. Наконец баклажка «Паука» была допита, и дело дошло до самогона, купленного на деньги Дробилина и Харламова. Укрытцев, слегка перекошенный под воздействием выпитого спиртного, не спеша отвинтил крышку и удивлённо воскликнул:

– Мамочки! Как она воняет! Она что на тухлых яйцах настаивалась? Вы где её брали?

– У бабы Вали, на улице Гоголя, – заплетаясь, ответил «Сапёр».

– Вы чё психи? Жить что ли надоело? Она пол посёлка своим пойлом отравила уже. В Куликово надо было брать. Там самогон намного лучше и дешевле, чем у бабы Вали, – возмутился «Паук».

– Я говорил ему! Так он, видите ли, стесняется на мотороллере в Куликово ехать... – оправдывался Антон.

– Да ладно, кого стесняться? Мотороллер – конечно не мотоцикл, но тоже техника! Там у них в деревне ещё и не на таких ездят... – возразил Укрытцев.

– Любовь там его живёт. И он не хочет, чтоб она его на этой «дристапедке» видела... – ухмыльнулся Дробилин.

– Да ты чё?! – удивился Павел и, ухмыляясь, спросил Сергея, – Кто такая?

– Не скажу... – обиженно ответил «Сапёр».

– Ладно тебе, скажи. Интересно же, кто та принцесса, ради которой ты готов жертвовать собственной печенью? Не бойся, здесь все свои. Клянусь, это останется между нами, – не унимался пьяный Укрытцев.

– Алёнка... Фамилию не знаю. Парень у неё там прыщавый такой, как гoblin. То ли «Комбайн», то ли «Трактор» – прозвище... – сдался Сергей.

– А-а-а. «Трактор»? Как же, знаем чувака с таким погонялом... Урод, каких свет не видывал. Тёмный человек. Бесит он меня, короче... А подруга у него на самом деле прикольная. Алёнка. Лагуткина – фамилия её. Она в одном классе с моей сестрой учится. Отличница... У тебя хороший вкус, – ответил «Паук».

– Да, но никак понять не могу, столько лет в этой школе учусь, а её никогда не видел...

– Это потому что раньше она у себя в деревне училась. В том году у них школу закрыли, потому что учителя все поувольнялись. Да и учеников там человек 60 на всю школу осталось. Поэтому она и перешла к нам. Желаю удачи тебе с ней. С «Трактором» только поосторожней будь. От него любой заподянки можно ожидать. Гнилой человек... Если будет базар какой с ним, обращайся к нам. Давно хочу ему морду набить, вот только повода пока не было. Он нас стороной старается обходить...

– Учту, – кивнул «Сапёр».

– Ну, давай выпьем что ли вашей бодяги! – сказал «Паук», разливая самогон по стаканчикам, а потом произнёс тост, – За тебя «Сапёр», и за твою Алёнку. Выпьем за то, чтобы у вас всё склеилось!

Все залпом осушили содержимое стаканчиков, а «Шмель», сморщившись, сказал:

– Вкус у неё не лучше, чем запах. Я больше пить не буду, а то точно обрыгаюсь... Вы давайте, допивайте быстрее. Темно уже, дискотека, наверное, началась...

– Да ты поезжай, если хочешь. Мне ещё пацанов в гараж буксировать... Мы позже поедем.

Шмель посмотрел на «Мамонта» и спросил:

– Ты поедешь?

– Я со всеми. Самогон нужно допить...

– Ладно. А я поеду!

Сказав это, Миша по кличке «Шмель» встал, поднял свою сумку, лихо перебросил её через плечо и направился к своему мотоциклу. Через несколько секунд раздался рёв мотора и жёлтый «Иж Планета-5», подняв густое облако пыли, помчался по дороге и скрылся в тёмном лесу.

– Ну, вот. «Шмель» уехал... – с тоской в голосе сказал «Мамонт»

– Да и хрен с ним, пусть едет. Вместо того чтоб с парнями посидеть, разговор поддержать, ему на «танцульки» приспичило... – с обидой ответил Укрытцев.

– А, кстати, почему «Шмель»? – поинтересовался Антон.

– Потому что толстый... – с усмешкой ответил «Паук».

– А я думал, его так за полосатую майку прозвали...

– Нет. Майку он потом купил, чтобы соответствовать образу. И мотоцикл в жёлтый металлик перекрасил. Получилось прикольно... – ответил Павел.

Самогон быстро был допит, не смотря на отвратительный запах и паршивый вкус. Парни стали собираться в путь. У Сергея всё кружилось перед глазами, и к горлу подкатывала тошнота. В этот момент он уже мало о чём мог думать. Он уже не думал ни о дискотеке, ни даже об Алёнке, которая весь день не выходила у него из головы. В мозгу засел только один наболевший вопрос: «Зачем он выпил столько самогонки?»

Харламов, качаясь, подошёл к своему мотороллеру и, приподнимая, столкнул его с центральной подставки, но удержать равновесие не смог, и мотороллер с грохотом опрокинулся на левый бок, а следом упал и сам «Сапёр». «Бита», наблюдавший за этим со стороны, залился громким неестественным хохотом, а потом подбежал и помог Сергею подняться. Вдвоём они стали поднимать лежащий на боку мотороллер. При этом спьяну роняли его раза три. «Паук» долго скептически наблюдал за этим, обращаясь к «Мамонту» воскликнул:

– Этому столику больше не наливайте!

Когда, наконец, пьяным парням удалось установить мотороллер в вертикальное положение, «Паук» завёл свой чёрный мотоцикл. «Днепр» ревел, словно истребитель времён второй мировой войны, от звука его двигателя у «Сапёра» по спине бежали мурашки. Но ужас нагонял не только звук, но и внешний вид этого мотоцикла, который Укрытцев доработал собственноручно. С помощью одного знакомого сварщика Павел удлинил свой мотоцикл на 15 сантиметров, при этом ему пришлось не только переварить раму своего «Днепра», но также нарастить карданный вал. Вследствие этого между задним колесом и двигателем освободилось пространство, в которое «Паук» смог опустить седло, на манер заморского чоппера. К седлу Павел прикрепил спинку, сделанную из подголовника от автомобиля «Нива», а родной бензобак – заменил на старинный, в виде капли, от мотоцикла Иж-49. В задней части мотоцикла он подвесил хромированные цепи и 2 замшевых сумки (кофры) под инструмент, а в передней – дуги с шипами. Телескопическую вилку Павел при помощи уже упомянутого сварщика наклонил под более острым углом и переделал её в чопперовский "параллелограмм", дополнительно повесив под приборной панелью два амортизатора от мотоцикла "Минск" и две небольшие фары от мопеда "Рига", отполированные до хромового блеска и покрытые лаком. На массивном переднем крыле под двумя фарами «Паук» закрепил бычий череп с рогами, найденный им в поле во время очередной пьянки. Мотоцикл выглядел зловеще и нагонял страху на всех местных старушек.

«Мамонт» оседлал свой «Иж Юпитер-4» и вся колонна двинулась по полевой грунтовой дороге по направлению к посёлку Пролетарский. По трассе решили не ехать, во избежание неожиданной встречи с дневным гаишником. «Паук», здорово захмелев, гнал свой чёрный «Днепр» на всех парах. Вслед за ним, привязанный тросом, столь же стремительно нёсся мотороллер «Тулица». За рулём немного обсохшего мотороллера сидел «Сапёр», позади него – «Бита». Оба были сильно пьяны и весело смеялись. «Мамонт» специально ехал позади всех. Он сзади освещал фарой мотороллер, чтобы водители, едущие по примыкающим дорогам, видели буксир.

Укрытцева немного тянуло в сон. Накануне он здорово выпил и пришёл домой очень поздно. А с утра нужно было идти на классный час, поэтому он не выспался. Глаза предательски смыкались, но Павел изо всех сил боролся со сном. Он старался ехать побыстрее, чтобы его обдувал встречный ветер. Он освежал его и помогал взбодриться. Но монотонный звук мотора убаюкивал его. «Паук» периодически «клевал» носом, но тут же вздрагивал и возвращался из царства снов в реальность. В этой продолжительной борьбе со сном Укрытцев проморгал очередную поворот и проехал мимо. Но он быстро понял это и на полной скорости резко развернул мотоцикл в поле. Мотороллер, который продолжал двигаться по инерции, резко занесло, он, вместе со своими наездниками, опрокинулся на бок и юзом поехал дальше, увлекаемый тросом, привязанным к мотоциклу «Паука». Сергей с Антоном даже не успели понять, что произошло... Всё случилось очень быстро: лишь мгновение назад они весело смеялись сидя верхом на мотороллере, а теперь уже оба кубарем катились по полю, царапая руки о траву. Перед глазами мелькал свет от фары «Мамонта», но боли, как ни странно не было. То ли организм ещё не успел отреагировать, то ли боль гасил перенесённый шок, а может, выпитый алкоголь сработал как анестезия.

«Мамонт» буквально остолбеневший резко остановил свой мотоцикл и на всех парах бросился к лежащим в траве парням. «Паук», мотоцикл которого тоже немного пошатнуло от тяжести укатившегося в сторону мотороллера, тоже почувствовал что-то неладное и потихоньку остановился.

– Парни, простите! Я не специально... Закимарил немного, и вылетело из башки, что вы на буксире! Вы как, целы? – причитая, виновато засеменил Павел между Харламовым и Дробилиным.

Сергей поцарапал локти об траву и ушиб ногу. Серьёзных травм он не получил, но вот штаны после падения позеленели от травы. Предстать в таком виде перед Алёнкой он не мог, поэтому желание идти на дискотеку у него пропало. Антон же поцарапал руки до локтей, и немного правую половину лица. А также сильно перепачкал землёй свою одежду. С руки его при падении слетели дорогие часы, которые он долго искал в высокой траве при свете мотоциклетных фар. В итоге, проползав несколько минут на карачках, нашёл, и его двухцветное лицо просияло удовлетворённой улыбкой. Он содрал его не до крови, но кожа заметно покраснела, и поэтому цвет правой половины лица заметно отличался от левой половины.

– Антоха, а у тебя похоже асфальтная болезнь. Полголовы содрал себе, как терминатор! Натри себе морду мазью какой-нибудь дома, а то на тебя не одна девчонка не взглянет! – заключил осмотревший его на свету фар «Мамонт».

– Да мы в норме, ребят! Не волнуйтесь, – сказал Сергей, – Вы езжайте на дискотеку, а мы моторашку дотолкаем сами до гаража. Тут недалеко уже. Всё равно нам в таком виде на танцы не вариант идти.

– Ну ладно, парни. Только без обид! – согласился «Паук» и пошёл отвязывать трос от своего мотоцикла, – «Сапёр», будь завтра в гараже. Я часов в 10 подтянусь, будем твоего «клопа» реанимировать!

Вскоре Женя с Павлом, махнув напоследок рукой, завели свои мотоциклы, и, подняв облако серой пыли вперемешку с выхлопом, растворились за горизонтом. Сергей с Антоном в

кромешной темноте, брели в сторону ночных огней посёлка Пролетарский, толкая по полевой дороге старый дедовский мотороллер. Раздосадованные пропущенной дискотеккой, большую часть пути они молчали. В вечерней тишине раздавался лишь скрип колёс и пение полевых сверчков, а откуда-то издали доносился приглушённый шум проезжающих машин. Каждый из старых друзей думал о своём в тот момент. Но мысли у обоих были грустны. Сергей упустил возможность увидеть девушку своей мечты, и не представлял теперь, как, когда и где увидит её снова. А Антон упустил возможность показать себя во всей красе в танце перед местными девчонками. Открытые дискотеки в посёлке – событие редкое, и следующая такая возможность будет у него теперь лишь через полмесяца, на «День независимости».

Закрыв свой мотороллер в гараже, Сергей проводил до дома Антона и побрёл по тёмным улицам домой. Стараясь не шуметь, «Сапёр» открыл входную скрипучую дверь, бесшумно разулся, заперся на внутренний замок и тихо прошмыгнул в спальню, чтобы не разбудить спящих родителей. От него разило самогоном, и, ему не хотелось, чтобы они этот запах почувствовали.

ГЛАВА 4

Утреннее солнце нагрело простыню Сергея, и он проснулся весь в поту. Голова болела после выпитого вчера, и сильно хотелось пить. Кроме того болело всё тело, после ночного падения в поле. Видимо действие анестезии закончилось.

Родители ушли на работу рано утром, и Сергей был дома с младшей сестрой, которая тихо сопела на втором ярусе кровати. Он с трудом поднялся с простыни, и, волоча ноги по холодному деревянному полу, обречённо побрёл в ванную. Первым делом он открыл кран и припал к нему, с тем, чтобы утолить жажду. Минут 5 он жадно глотал сырую воду, которая в тот момент казалась ему невероятно вкусной, и приобрела какой-то экзотический сладковатый привкус. После этого в голове его немного прояснилось, и боль стихла. Он почувствовал лёгкое опьянение, и принялся умываться и приводить себя в порядок.

Приготовив незамысловатый завтрак из кофе и бутербродов, Сергей перекусил и отправился в гараж.

Посёлок был пуст, и жизнь только начинала пробуждаться на его зелёных улочках. Машин на дорогах было мало, впрочем, как и людей. В лучах утреннего солнца старые бабушки поливали цветы в палисадниках из шлангов. На рынке торговцы выгружали товар на прилавки. Многие магазины были ещё закрыты. Сергей неторопливо шёл в сторону «Шанхая» наслаждаясь утренней прохладой. В одном из обшарпанных ларьков, он купил себе пачку недорогих сигарет. Ему хотелось закурить, но делать это посреди улицы он опасался. Мог увидеть кто-то из знакомых и рассказать его родителям. Поэтому закурил он лишь после того, как свернул в гаражный массив, ощутив при этом облегчение и лёгкое опьянение одновременно.

В гараже он не дожидаясь «Паука» начал, возиться с мотороллером. Снял капот, аккумулятор, вылил воду из бензобака и воздушного фильтра. При помощи набора гаечных ключей Сергей разбирал одну часть за другой, насухо вытирал тряпочкой и аккуратно раскладывал на полу, на расстеленные старые газеты. Воздушный фильтр, карбюратор, глушитель. Всё заняло своё место на полу гаража, просыхая в лучах летнего солнца. Лишь самое сложное он оставил до прихода «Паука». В двигатель самостоятельно соваться Сергей опасался. Не имея раньше дела с разборкой таких агрегатов, он подсознательно боялся что-нибудь сломать.

Сергей так увлёкся процессом, что не услышал, как в гараж через распахнутые ворота вошёл Укрытцев. Павел появился ровно в 10 утра, как и обещал, в потёртых джинсах, слегка помятый и потрёпанный после вчерашнего. В руках он держал откупоренную литровую пластиковую бутылку дешёвого пива.

– Здорово, дружище! – звонким басом произнёс он. Сергей от неожиданности слегка дёрнулся, затем привстал, вытер мазутную руку об наутюженные брюки, и протянул её Павлу.

– Ты не слишком ли нарядно оделся в гараж? – спросил «Паук», осмотрев Сергея с ног до головы.

– Ну, у меня, нет грязной одежды, – оправдывался Харламов, одетый в начищенные ботинки, чёрные наутюженные брюки и светлую бежевую рубашку с коротким рукавом.

– Такими темпами в скором времени у тебя её будет много, – ухмыльнулся Укрытцев, – Ты извини меня за вчерашнее, я правда нечаянно. Как чувствуешь себя, после падения?

– Ты, знаешь, ломает всего, как будто толпа гопников меня пинала всю ночь. Вчера не ощущал такой боли.

– Это ерунда, к вечеру пройдёт. Я сто раз так кувыркался, знаю. На вот, пивка лупани, – протягивая бутылку, продолжал «Паук», – у меня с утра голова чуть не лопнула от вашего пойла. Тебе я вижу тоже не сладко. Мы с «Мамонтом» даже поблевали немного на вчерашней дискотеке. Мотоцикл не стал в гараж загонять, возле дома оставил. Настолько плохо было, думал не дойду.

Сергей, у которого к этому моменту снова проснулась жажда и вновь появилась пульсирующая боль в замутнённой голове, с благодарностью взял бутылку и сделал несколько жадных глотков прямо из горлышка, а затем спросил:

– Слушай, как дискотека была? «Трактора» видел там?

– Да нормальная дискотека. Ландыря этого видел там мельком, со своей подругой он был, если тебя это интересует, – с улыбкой ответил Павел, – но он нас сторонится, так что встреча была мимолётной.

– Ясно, а ты что пешком сегодня? – поинтересовался Сергей.

– Пивка вот хотел взять, полечиться. За рулём не особо попьёшь. Мотоцикл возле дома ждёт меня, после обеда оседлаю. А теперь давай приниматься за дело! Нас ждут великие дела!

«Паук» подошёл к полуразобранному мотороллеру и оценивающим взглядом осмотрел конструкцию двигателя. Затем взял гаечный ключ и принялся за работу. Павел сосредоточенно и аккуратно снимал одну деталь за другой, при этом старался заранее продумать каждый последующий шаг. Чтобы не повредить пристывшие за долгие годы простоя детали, периодически брал в руки деревянный брусок и, приложив его к этим деталям, стучал по нему молотком. Сергей аккуратно протирал детали сухой тряпкой и раскладывал их на газете, в таком же порядке, в котором их снимал Павел.

Масло, смешанное с озёрной водой парни слили из картера двигателя в разрезанную пятилитровую канистру, затем продолжили разборку агрегата. Сергей увлёкся работой настолько, что даже на время забыл о своей возлюбленной. Он был охвачен желанием наполировать, начистить до блеска каждую деталь, каждую шестерёнку, каждый подшипник. Всё в его руках превращалось из грязного замазученного железа в сверкающее хромом и алюминием.

К обеду в гараж пришёл Антон. Высунувшись наполовину из-за распахнутой створки гаражных ворот, он поздоровался, а потом появился весь, чем вызвал громкий смех. Ободранная половина лица его за ночь стала темнее, и от этого ещё больше бросалась в глаза.

– А ты что так поздно? Спал что ли? – спросил его Укрытцев.

– Да, дрых. И башка охренительно болела, только сейчас таблетка помогла. А ещё морду стянуло, даже больно улыбаться, – оправдывался Дробилин,

– Родителям что сказал по поводу ссадины? – поинтересовался с ухмылкой «Сапёр».

– Пришлось наболтать, что в озеро не удачно нырнул, а то о собственном мотике можно будет забыть, – ответил Антон – А вы давно тут?

– Уже практически часа три, – ответил Сергей, – ты тут Антон посиди пока, мы пообедаем сходим. Через пол часика, вернёмся и всё соберём.

– Да, пора бы уже пообедать, – согласился Павел, – Серёга, ты вот ещё что. Возьми дома герметик силиконовый, если есть. Без него мы двигатель не соберём.

С этими словами приятели вышли из старого пыльного гаража и побрели вдоль не стройных рядов кирпичных коробок с разноцветными воротами в сторону посёлка Пролетарский, в котором уже во всю кипела жизнь. По усеянной ямами дороге натужно спешили автомобили по своим делам, а угрюмые серые люди бежали с работы домой обедать. «Паук», как оказалось, жил неподалёку от Сергея, в соседнем дворе, поэтому дорога была не скучной. В пути они обсуждали достоинства известных им мотоциклов, и планировали последовательность сборки располовиненного двигателя.

Дома Сергея встретил запах жареной картошки с луком. Вся семья сидела за столом, а мама суетливо раскладывала всем еду по тарелкам.

– Серёжа, мой руки! – крикнула она, и «Сапёр» покорно зашёл в ванную, из которой через несколько мгновений переместился за стол. За столом было довольно тесно, но что поделаешь, габариты кухни не давали большего простора. Сергей получил свою порцию картошки, и, взяв в руки вилку, принялся аккуратно, чтобы не задеть локтём присевшую рядом мать, уплетать горячий обед.

– А ты во сколько явился вчера? Я что-то не слышала, как ты пришёл, – с беспокойством в голосе поинтересовалась мать, и пристально посмотрела на сидящего рядом Сергея.

– В одиннадцать, мам, но вы уже спали, – ответил «Сапёр».

– Что так рано? Дискотеки что ли не было?

Сергей жадно глотал горячую картошку, и продолжал отвечать на поставленные вопросы:

– Была. Это меня там не было! Я мотороллер толкал в гараж, потому что бензин закончился, – оправдывался незадачливый сын. Он решил не рассказывать родителям о происшествии на озере, дабы лишней раз не беспокоить мать, которая всё принимала близко к сердцу и раздувала опасность даже самых небольших происшествий до размеров катастрофы вселенского масштаба; А ещё Сергей боялся показаться неумехой в глазах отца, поэтому о том, что мотороллер был сломан в первый же день, он решил не упоминать.

– Ха, вы всё-таки завели его!!! – восторженно воскликнул молчаливый отец и чуть не подавился супом, от радости и удивления, – А я пару лет назад, так и не смог этого сделать. Хотел даже в металлолом его сдать. Хорошо, что руки не дошли... Ты, Серёга поучись пока на нём ездить, только «гаишникам» смотри не попадись, а сам подыскивай себе хороший мотоцикл, моё обещание в силе, – после этого отец помолчал не много, доел суп и, сменив выражение лица на серьёзное, задал Сергею очередной вопрос:

– Тут после вчерашней дискотеки трое парней пропали: Храмцов, Кузённый и Епишев, кажется, фамилии их. С тобой примерно одного возраста. Ну, или чуть постарше. Отец одного из них нам на работу утром ориентировки приносил. Ушли вечером на дискотеку и не вернулись. Ты не знаешь их?

– Ну, может, и знаю в лицо, – задумчиво сказал Сергей, напряжённо сморщив лоб, – но только фамилии их мне ничего не говорят. Если б ты мне их клички назвал, то я тебе мог бы точно ответить.

– Плохо... Их родители себе всю ночь места не находили. Обзвонили все морги и больницы районные, объехали все каталажки и вытрезвители, но найти так и не смогли ни их самих, не даже их следов. Всю ночь глаз не сомкнули. И сейчас вон, бедолаги, ходят по посёлку фотографии их расклеивают.

– Что ж делается! – запричитала мать «Сапёра», – Уже в нашем тихом посёлке стали люди пропадать. Их убили наверно! – в ужасе громким шёпотом произнесла она вдруг, и помолчав немного, вытаращила глаза и добавила – Точно убили! Знаешь, что Серёженька, ты там на улице смотри осторожнее, с незнакомыми не разговаривай, и, как стемнеет, чтоб дома был! А ты, Светка! – обращаясь к младшей дочери, продолжала мать, – от дома чтоб вообще никуда не отходила, а после шести – на улицу ни шагу!

– Да не переживай, мам! Их найдут, всё нормально будет! – успокаивающе парировал Сергей, – Пап у тебя, кстати, герметика нет силиконового? Очень нужен!

Через несколько минут, Сергей брёл по двору вдоль своего дома с пистолетом сантехнического герметика в сторону дедовского гаража. У соседнего подъезда на скамейках сидело три бабки в плащах и тёплых платках, повязанных на голову. «Как им не жарко в такую погоду?» – думал Сергей, глядя на их осенние наряды. Бабки тем временем обсуждали последние новости, главной из которых стало исчезновение трёх парней. Из обрывков фраз, долетевших до ушей Сергея, он понял, что их родители наняли водолазов, которые сейчас обследуют дно озера на предмет утопленников, а вечером после окончания рабочего дня собирают на площади Ленина волонтеров, и идут с ними прочёсывать лес.

«Дело серьёзное!» – подумал Харламов, и, съедаемый любопытством, решил посмотреть на лица пропавших ребят. Он увидел вдалеке на углу дома свежее объявление, напечатанное на чёрно белом принтере, на котором большими буквами было написано: «ВНИМАНИЕ! РОЗЫСК!» и направился, к нему. Но его планы нарушил звук приближающегося сзади мотоцикла «Урал» или «Днепр». Какой точно марки был мотоцикл, Сергей не мог ещё определить,

но то, что это «Урал» или «Днепр» он точно понял. Звук их двигателей похож на рокот пулемёта, и его сложно спутать со звуками других мотоциклов. Обернувшись, он понял, что не ошибся. Сзади к нему подъехал «Паук» на своём зловещем «Днепре» с бычьим черепом под фарой. Не глуша мотор, он крикнул Сергею:

– Прыгай назад, подвезу!

Сергей решил не терять времени на чтение объявления и залез на мотоцикл Укрытцева. Промчавшись по улицам посёлка, через минуту они уже были в гараже Харламовского деда. Антон в это время сидел на корточках и внимательно рассматривал детали, разложенные на полу.

– Ребят, всё высохло, вроде. Наверное, можно собирать, – заключил «Бита»

– Ну, раз ты разрешаешь, Антон, то, пожалуй, мы приступим, – ухмыльнулся Павел, и навис над разрозненными частями двигателя, как опытный хирург над операционным столом. Детали сверкали металлом в его руках одна за другой, что-то он предварительно смазывал остатками вчерашнего масла в стаканчике, что-то промазывал герметиком, привезённым «Сапёром». Антон с Сергеем увлечённо наблюдали за процессом, и подавали Павлу инструменты, которые он просил. Время за работой летело не заметно, и, в конце концов, собранный двигатель был водружён обратно на своё место. Он был чист и блестел, как праздничный самовар.

– Ну, вот и всё, господа ассистенты. Агрегат готов! Осталось только масло залить в картер, и аккумулятор поставить. Ну, это всё у меня в гараже лежит, аккумулятор ваш как раз, я думаю, зарядился.

– Паш, а посмотри ещё, что у меня с тормозами? – с мольбой в глазах попросил Сергей.

– Да без проблем! – воскликнул «Паук», и снова прильнул к полуразобранному мотороллеру. Но всего через несколько минут неисправность была обнаружена:

– Да у тебя тросик порвался! Сгнил, наверное, а может мыши погрызли! Я тебе дам, у меня их полно, – деловито заключил Укрытцев.

– Слушай, Паш. Не хотел отвлекать тебя во время работы, а ты ничего не слышал о пропавших парнях? – любопытствовал «Сапёр». На лицах у всех застыл вопрос, и Павел с недоумением переспросил:

– О каких парнях, Серёга? Я что-то не слышал. Что за парни? Фамилии говори, или «погремухи» их.

– Храмцов какой-то, и ещё двое. Фамилии их точно не помню. Епифанов что ли... И ещё какой-то. Да их рожи уже на каждом столбе развесили. Только я посмотреть не успел, ты как раз подъехал за мной, – ответил Харламов.

– Слушай, Храмцов – это же «Друппи»! – испуганно и задумчиво сказал Павел. В горле у него встал ком. Он судорожно пытался вспомнить, где видел его в последний раз, и очень быстро с облегчением вспомнил. В его голове на миг наступило просветление и умиротворение, но тут же вдруг по всему телу пробежали мурашки и вспотели ладони.

– Как это «Друппи»??? – испуганно спросил, недоумеая, Сергей. И мысли скомкались в его голове. Ведь лишь вчера он познакомился с этим парнем у «Паука» в гараже, а сегодня его уже ищут водолазы на дне озера. Беда ещё никогда настолько близко не была от Сергея, его радужные представления об окружающем мире рушились в один момент. Он внезапно осознал, что на месте «Друппи», вполне мог оказаться он сам.

– Как это «Друппи»? – Ещё раз переспросил он, – Он же пил у тебя в гараже вчера. Ты ещё потом приехал, на озеро, и сказал, что запер его там, вместе с другими парнями, потому что они перепили. Куда они потом могли деться?

В ответ «Паук» надменно хмыкнул, и, приподняв свои чёрные брови, таинственно сказал:

– Да куда они денутся из моего гаража? Я ведь там больше не был... Там они до сих пор и сидят наверняка втроём: «Друппи», «Филин» и «Пельмень». Похоже, что их-то все и ищут.

На минуту в гараже повисла гробовая тишина. Антон с Сергеем переваривали в голове новую информацию, а потом хором разразились истерическим хохотом. Смех продолжался несколько минут, у «Биты» даже появились слёзы. Павел хлопнул себя ладонью по лбу и испуганно вскричал:

– Они меня прибьют, чёрт возьми! Надо срочно ехать их открывать. «Сапёр», бери мой аккумулятор, поедешь со мной!

Ни секунды не мешкая, Сергей схватил аккумулятор, лежащий на газетах, на полу, и покорно уселся на заднее сидение чёрного мотоцикла, который уже пытался завести Укрытцев, судорожно дёргая кикстартер правой ногой. Наконец раздался рёв мотора, и Павел, перекинув правую ногу над бензобаком, повернул гашетку газа на руле и включил первую скорость. Заднее колесо пробуксовывая засверкало спицами и из-под него взвилось облако пыли, и полетели камешки гравия. Тяжёлый «Днепр» на секунду напрягся и резко дёрнулся с места, унося ребят к гаражу «Паука».

Во времена, когда в Пролетарском строился гаражный массив, для экономии кирпича, гаражи пристраивали друг к другу. Таким образом, у двух соседних гаражей была одна общая кирпичная стена. Гаражи продолжали пристраивать один за другим, и со временем они образовывали длинные ряды. Никакого генерального плана застройки не существовало, а порой отсутствовала и элементарная геометрия. Если в направлении стройки ряда было какое-либо препятствие, то следующие гаражи строили так, чтобы его обогнуть. Поэтому ряды получались не стройными. Гаражи возводили далеко не строители, а простые работяги, которые подчас не соблюдали элементарных строительных норм. Поэтому все они были разных размеров, а иногда и разной формы. К примеру, было в массиве несколько гаражей треугольной формы, в которые ничего кроме мопеда или мотоцикла загнать было не возможно. Когда ряд дорастал до дороги, лесного массива или свалки, и строить дальше было не возможно – начинали строить следующий ряд. Его, как правило, торцом пристраивали к торцу предыдущего ряда. Так и вырос этот сложный и запутанный лабиринт.

Гараж «Паука» был расположен неподалёку от гаража, в котором стоял полуразобранный мотороллер. Он был построен в самом конце ряда, протянувшегося через три ряда, от того места, где Павел с Сергеем только что оставили Антона. Место это было тихим, на отшибе у лесополосы. Соседний с ним гараж был не достроен, он стоял без ворот, и внутри всё заросло травой, и было забросано мусором, два следующих гаража, судя по всему, были заброшены. Возле них росла двухметровая крапива, а ворота лет двадцать никто не красил, и они покрылись толстым слоем ржавчины. Последние гаражи в ряду напротив, тоже не могли похвалиться посещаемостью. Судя по всему, кто-то в них ходил, так как выглядели они ухоженно, но «Паук» ни разу не видел этих людей воочию. В общем, место было тихое, поэтому и собирались большие компании выпить именно тут. Никто не жаловался потом на шум, и опасности попасться на глаза знакомым родителей практически не было. И именно поэтому о пребывании там Алексея Храмцова, Александра Кузённого по кличке «Пельмень» и Юрия Епишева, которого все звали «Филин», до сих пор никто не узнал.

Мотоцикл стремительно мчался к гаражу, и вдалеке уже видны были свежерыкрашенные створки синих ворот Укрытцева. Сергею показалось, что над ними блеснула лысая голова «Пельменя», но тут же исчезла из виду. Подъехав к гаражу, Павел заглушил мотор, и, не теряя ни секунды, бросился открывать чёрный навесной амбарный замок. Раздалось два глухих щелчка, и створки распахнулись, так как были открыты изнутри. Взору ребят предстали три угрюмых и измождённых фигуры, которые несколько минут неподвижно стояли и смотрели на них, не веря в то, что их заточение закончилось. Павел, ждал, что друзья набросятся на него с проклятьями, а может даже с кулаками, но к удивлению его, эмоции у них были иными.

Саша Кузённый стоял в центре гаража в грязных запылённых брюках и с засохшими следами рвоты на спортивной майке. Глаза его блестели, и дрожала нижняя губа. Он стоял, еле сдерживая слёзы. Затем он подбежал к Укрытцеву и крепко обнял его.

– Шпасибо! – с неистовой искренностью, шепелявя, произнёс он, – шпасибо, что вспомнил про нас! – после этих слов к ним подошли «Друппи» и «Филин» и все молча обнялись. У «Пельменя» не было передних зубов, он выбил их об руль своего старого запорожца, когда пьяный врезался в фонарный столб. Из-за этого у него были серьёзные проблемы с дикцией. Он присвистывал, произнося слова, а «Шипящие» и «рычащие» звуки у него не получались совсем.

Обнявшись с «Пауком», недавние узники попросили у него закурить, а потом «Друппи» попрощался со всеми, оседлал свой «Минск» и умчался домой, а «Филин», жадно втягивая сигарету, поведал Павлу и Сергею подробности ночи, проведённой в гараже: «Как ты уехал, я не помню, наверное, я спал. Проснулся в люльке от мотоцикла. Наши двухколёсные друзья уже стояли внутри, прислонённые к стене. Сильно хотелось пить, и я глотнул рассола из банки. «Друппи» в это время спал, вытянувшись на лавке в полный рост, а «Пельмень» сидел на деревянном ящике, уставившись в одну точку на стене, и грустил под какую-то невесёлую песню. Добиться от него внятного ответа на вопрос, куда вы делись, я не смог, поэтому мы просто молча слушали музыку и ждали вас. К полуночи проснулся Лёшка Храмцов и начал ныть, что ему пора домой. Калитку мы открыть не смогли, она была заперта снаружи. Тогда, мы решили попробовать распахнуть створки ворот и вытащили все задвижки из них. Ворота удалось оттопырить сантиметров на 10 от стены, дальше они не открывались, потому что между собой их плотно удерживал навесной замок снаружи. Но просунуть в эту щель «Друппи» мы не смогли. Если вдвоём надавить на ворота изнутри, то можно вытащить голову в этот проём, но всё остальное не пролезает, мы пробовали. Лёшка поставил деревянный ящик и долго пытался стоя на нём протиснуться наружу, пока у нас с «Пельменем» не ослабли руки и мы прищемили ему голову. Тогда он осознал всю безысходность нашего положения, сел на этот ящик и заплакал, предвкушая, что его ждёт дома. Мы тогда поняли все, что вы задержитесь, но не думали, что настолько.

В ожидании время тянется медленно, и, чтобы его как-то скоротать, мы очень много курили. Очень быстро у всех нас закончились сигареты. Мы захотели в туалет по малой нужде, и терпели до последнего, когда уже терпеть стало не возможно, мы воспользовались пустыми бутылками, которые валялись на полу», – в этом месте Юра показал рукой в сторону трёх бутылок с жёлтой жидкостью, стоящих у верстака.

– Что-то у вас не поровну получилось, – усмехнувшись, перебил его «Паук».

– Мы соговновались, кто больше, – рассмеялся «Пельмень», а «Филин» продолжил свой рассказ:

«Часа в три ночи, мы подумали, что с вами что-то случилось, и до утра вы не придёте. Поняв это, мы решили ложиться спать. В гараже стало очень холодно, поэтому спать мы легли, плотно прижавшись друг к другу, а на пол накидали каких-то тряпок, чтоб не испачкать одежду. Спал я хреново, встал, когда рассвело. Всё тело болело от жёсткого бетонного пола. Следом за мной проснулись и все остальные. Решили позавтракать и сожрали двухлитровую банку варенья из твоего погреба. Захотелось покурить. Мы выпотрошили все окурки из пепельницы на газету, и завернули самокрутку на троих. Потом меня приспичило в туалет по крупному, и я полез обратно в погреб, с банкой из-под варенья...» – в этот момент все заржали, а «Паук» замялся и снова перебил рассказ «Филина»:

– Оригинально, а куда потом банку дел?

– Она сильно воняла, поэтому пришлось её выбросить через приоткрытые ворота, – ответил Юра, и продолжил повествование:

«Всё бы ничего, но «Друппи» всё время ныл, и говорил, что ему надо домой. Сначала мы стали думать, как выломать твои ворота. Били в них ногами, молотком, и даже кирпичами, не помогло. Потом я завёл мотоцикл, и пытался выбить ворота на нём, но тут оказалось слишком мало места для разгона. К тому же от выхлопа заболела башка, и мы побоялись угореть. В общем, эту идею пришлось оставить. Инструментов типа болгарки или дрели не нашли, поэтому просто решили звать на помощь. Поставили к воротам ящик, и время от времени, мы с «Друппи» приоткрывали ворота, а «Пельмень» высовывал голову наружу, и кричал: «Спасите, помогите!» Но место тут как оказалось глухое, никого так и не нашлось за весь день, кто бы нам помог. А когда Саня в очередной раз высунул голову на свободу – он увидел вас, кричать ничего не стал, а просто спустился с ящика и сказал: «Спасение идёт!»»

ГЛАВА 5

Докурив «Филин» сел на свою красную «Яву-350», посадил сзади «Пельменя», который после аварии своего «Запорожца» остался без транспорта, и они уехали. Павел извинился перед ними на прощание, закатил мотоцикл в гараж и установил его на центральную подставку. Затем он молча прошёл к стеллажу и начал рыться в куче мотоциклетных запчастей. Обнаружив один из тормозных тросиков, коих у него было несколько, он перекинул его через плечо, и проследовал к верстаку, на котором тихонько булькал аккумулятор «Сапёра». Отключив от него прищепки выпрямителя, он завернул пластиковые пробки на свои места, достал из-под стола литровую бутылку самого дешёвого синтетического масла и торжественно передал всё это Харламову.

– Держи, «Сапёр»! Тросик сам сможешь поставить? А то мне тут прибраться нужно.

– Думаю, что смогу, – ответил Сергей.

– Добро! Ну, бывай! – произнёс Павел, и поднял с пола одну из пустых бутылок. Харламов встал с ящика, оставив на полу аккумулятор Укрытцева, побывавший накануне на дне озера, и вышел наружу.

– Постой! – окликнул его «Паук», – У тебя бензин-то есть?

– Нету, я вечером собирался домой зайти за деньгами, и купить на заправке литров пять.

Павел, держа в руках бутылку, подошёл к своему мотоциклу и выдернул из левого карбюратора топливный шланг. Из него потекла тонкая струйка бензина, которую он направил в горлышко пустой бутылки. Через несколько минут бутылка наполнилась, и он вручил её «Сапёру», со словами:

– Держи! Тут должно хватить и за деньгами съездить, и на заправку, и ещё останется даже. Масло добавь, у меня бензин чистый. И я надеюсь, что они в неё не ссали...

Сергей с благодарностью принял бутылку бензина, простился с «Пауком», и пешком отправился в свой гараж. Там он пересказал заскучавшему «Бите» повествование «Филина», и они дружно посмеялись. Затем они поменяли тормозной трос, поставили аккумулятор, водрузили на место капот мотороллера и просохший бензобак под седло. Капнув в бутылку остатки масла из стаканчика, Сергей поболтал её и вылил содержимое бутылки в горловину бака, затем завинтил крышку, опустил седло, и выкатил мотороллер из гаража. Закрыв замок, парни сели на мотороллер, и он, звонко затарахтев, помчал их по пыльной дороге. Мимо проносились, сменяя друг друга, разноцветные квадратные ворота гаражей, а лицо приятно обдувал тёплый летний ветер. Промчались гаражи, затем покосившиеся бараки, а дальше дорога пролегла среди одинаковых серых хрущёвок, рядами громоздившихся по обе стороны дороги и уныло глядящих на проезжающих пустыми полукруглыми глазницами своих чердаков.

Сергей неторопливо въехал в свой двор, оглашая округу громким тарыхтением своего мотора. Подъехав к своему подъезду, он заглушил двигатель, и оставив «Биту» сторожить мотороллер, скрипнул ржавой пружиной входной деревянной двери. Харламов торопливо вбежал на третий этаж по грязному, воняющему канализацией подъезду. Родители уже вернулись с работы, и, поужинав, коротали время за просмотром новостей на экране своего телевизора.

Сергей поспешно вбежал в квартиру, и, обращаясь к отцу, сказал:

– Пап, дай денег на бензин!

Отец оторвал взгляд от телевизора и перевёл его на Сергея. Погладив усы, он привстал с дивана, и взял с комода мужскую кожаную сумку, в которой хранил документы и деньги. Из сумки он вытащил ключи от своего гаража и протянул их Сергею:

– На вот. Заедешь в мой гараж, у меня там бочка двухсотлитровая стоит за машиной. Заправишь себе полный бак. И масло не забудь добавить, там, на верстаке целая канистра должна стоять. Парней-то не нашли?

– Они сами нашлись... – ухмыльнулся Сергей, – Их Укрытцев в гараже нечаянно запер.

– Вот, Дебил! – рассмеялся отец

– Ну, Слава Богу, живы-здоровы, – вступила в разговор обеспокоенная мать, – И никакого криминала! А то уж я думала, что до нас опять бандитизм этот докатился и людей стали похищать. А ещё чего доброго, и убить могли. Весь посёлок с утра на ушах стоит, – затем мать задумалась на какую-то секунду, и на всю квартиру громко крикнула:

– Светка!!!

Дверь в детскую распахнулась, и в проёме показалась пухленькая фигура Серёжиной сестры с заплаканными голубыми глазами на опечаленном лице. Сестра была на 3 года младше Сергея, и только что закончила 7 класс. Училась она прилежно и была в этом очень похожа на свою мать, а внешне больше была похожа на отца. Те же бездонные голубые глаза на округлом лице и вздёрнутый заострённый носик. Света в основном была невозмутимым и спокойным ребёнком. Тихая и даже не общительная. Свободное время проводила за чтением книг, или играла в подвижные игры со сверстниками из своего двора. Сегодня из-за таинственной пропажи троих парней, мать запретила ей вечером гулять на улице, и поэтому она сидела в своей комнате и тихо плакала.

– Иди, можешь погулять часок! Всё в порядке. И не обижайся на меня. Ты пойми, я ж за тебя волнуюсь...

На розовом лице Светланы засветилась улыбка, и она, вытирая слёзы, поспешила в комнату собираться на улицу, пока строгая мать не передумала, а Сергей вышел из квартиры, и поспешно побежал вниз по лестнице, оглашая подъезд своими гулкими частыми шагами.

– Ну, что, чувак, на заправку? – спросил «Бита», у появившегося в дверях подъезда Сергея.

– Нет, заправимся у бати в гараже, – на ходу ответил Харламов.

– Ты хочешь с его «девятки» слить? – удивился Антон.

– Нет, ты что? Как можно? – возмущённо воскликнул Сергей и простодушно поведал другу, какой бензин он собирается залить в свой мотороллер, – У меня отец на «КАМАЗе» водителем работает, бензин у него там – казённый. Он в конце смены сливает по канистре каждый день, таскает в гараж и набирает в двухсотлитровую бочку. Куда деваться, зарплата маленькая, а это он себе что-то вроде премии организовал... В «КАМАЗе» бензина не сильно убавляется, а отец за месяц полбочки набирает.

Друзья уселись верхом на низкий бело-зелёный мотороллер, похожий на маленького одноглазого клопа, и запустив со стартера свежесобранный двигатель помчались уже знакомой дорогой в гаражный массив. Для Антона Дробилина это было очередное развлечение, наподобие аттракционов, которые он посещал с родителями в городском парке на прошлогодних каникулах. Это был очень легкомысленный парень, склонный к безрассудным и порой нелогичным поступкам. Он любил всякого рода приключения, и с лёгкостью соглашался на любые авантюры, подчас даже не задумываясь об их последствиях. Типичный дворовый хулиган, прозванный "Битой" ещё в недалёком детстве за тяжёлый удар правой руки. Трудно сказать, как могли сдружиться два столь разных человека, как Антон и Сергей. Противоположности, как известно, притягиваются, и, видимо, в этом всё дело. Но в отличие от Дробилина, Сергею эта дружба приносила немало неприятностей. Мало того, что Антон научил его курить, а с недавних пор ещё и пристрастил к алкоголю, так ещё ему постоянно доставалось от матери и "Бомбы" за то, что он выбирает себе не тех друзей, и это отрицательно сказывается на его успеваемости. Но Сергей был своенравным человеком, и считал, что никто не вправе навязывать ему: с кем ему дружить, а с кем нет. В этом его поддерживал и отец. "Сапёр" любил читать, и все книги из школьной программы штудировал от корки до корки, впитывая в себя идеалы классиков русской литературы. Из этих книг он подчёрпнул для себя принципы, которыми руководствовался в отношениях с окружающими людьми. Дружба для него была не простым

словом, он старался быть безоговорочно предан своим друзьям, и готов был отдать им последнюю рубашку. И уж точно он не мог прекратить дружбу с кем-то просто потому, что кто-то был против этого. Друзей у него было не много, и Антон был самым старым и верным его товарищем. Они были знакомы с трёхлетнего возраста. С тех самых лет, как привели их родители в детский сад. Потом они вместе пошли в школу и ходили в один класс, пока в 8 классе их не начали делить по профильному признаку. Один класс набрали с математическим уклоном, второй – с гуманитарным, а в третьем классе оставили тех, кто не имел способностей ни к тому, ни к этому. Не трудно догадаться, что именно в этом классе (его ещё называли прикладным) и остался Дробилин, а Сергей пошёл в математический. Ведь ему, для поступления в Архитектурный Университет, нужно было углубленно изучать точные науки, и он это отлично понимал и прикладывал к этому все усилия, несмотря ни на какие трудности (особенно с алгеброй).

Мотороллер остановился в гаражном массиве, достаточно далеко от тех гаражей, в которых ребята были утром. Рёв двигателя стих, и парни поставили своего стального конька-горбунка на подставку. Сергей открыл калитку синих гаражных ворот с номером «1391», и ребята, наклонившись, прошмыгнули внутрь. Харламов нащупал в темноте на стене рубильник и зажёл электрический жёлтый свет потускневших лампочек. Отцовский гараж был большим, намного больше чем у деда. Почти всё свободное место в гараже занимала вишнёвая автомашинка «ВАЗ 2109». Машина была достаточно старая, но отец с трепетом относился к ней и поддерживал в идеальном состоянии. Вот и сейчас посреди пыльного гаража она сверкала глянцем, и выглядела так, словно только что съехала с витрины магазина. Пространство между машиной и стенами было завалено всяким хламом, который в больших количествах отец свозил сюда из дома. Всё, что было не нужно, но жалко выбросить, он вёз в гараж. Время от времени, когда для нового барахла не оставалось места, или когда горы этого хлама нависая над машиной, грозили свалиться на неё, отец наводил там порядок и вывозил половину этих вещей на свалку. Но освободившееся пространство пустовало недолго, и на месте старого хлама вырастали горы нового. На то, чтобы перечислить всё, что было свалено в этом гараже, не хватит и всей книги, поэтому не углубляясь в подробности, перечислю лишь самые крупные вещи из гаража Алексея Харламова: вдоль левой стены от ворот из груды маленьких вещей торчала железная панцирная кровать, изрядно подпорченная коррозией, и оттого вряд ли подлежащая дальнейшему использованию, рядом с кроватью к стене была прислонена старая чёрная надувная резиновая лодка, заботливо заклеенная несколькими заплатками. Вокруг лодки барахла было меньше, так как отец ей время от времени пользовался, когда выезжал на рыбалку, да и барахло это тоже использовалось им в тех же поездках: палатка, спальник, складные стульчики и стол, болотные сапоги и всё в таком роде. В углу, за лодкой, сложенные в стопку лежали 4 зимних колеса. У стены, напротив ворот, рядом с колёсами прямо перед машиной стояла та самая бочка, на которой лежала белая десятилитровая пластиковая канистра, резиновый шланг и воронка. На стене прямо над ней, на силикатных кирпичках были нацарапаны какие-то палочки. Ими была исчиркана вся стена, но большая часть была зачёркнута. Видимо таким образом отец Сергея вёл учёт слитого бензина. Рядом с бочкой стояли грабли, вилы и лопаты и большой серый мешок, наподобие тех, в которые ссыпают сахар или картошку. Всё остальное пространство вплоть до правой стены было завалено не поддающимся описанию хламом. Чего только не было в этой куче: старые чугунные радиаторы отопления, гнилые доски, табуреты со сломанными ножками, велосипед "Салют" и многое другое. От этой кучи в углу, вдоль правой стены, примерно до её середины, тянулись стеллажи, сваренные из мощных стальных уголков, с настилами из массивных сосновых досок. На стеллажах лежали пустые банки, канистры с всякой химией, удочки, рыболовные снасти и коробки с барахлом помельче. В другом углу правой стены стоял верстак с настольной лампой и маленьким сверлильным станком. Также на нём стояла 5-литровая канистра машинного масла. Между стеллажами и верстаком, было небольшое пространство, так как в полу в этом месте прямо у стены располагался люк, ведущий в

погреб, и загромождать его попросту было нельзя. Проходы по бокам от машины оставались настолько узкие, что пройти по ним мог один человек, и габариты он должен был иметь ниже средних. Иначе двигаться ему бы пришлось исключительно боком.

«Сапёр» протиснулся в дальний угол гаража к большой металлической бочке с бензином и неспешно открутил горловину. Он взял в руки канистру, но тут вдруг его взгляд пал на полипропиленовый мешок стоящий рядом. На нём большими печатными чёрными буквами было написано: «СЕЛИТРА АММИАЧНАЯ» а ниже, буквами поменьше – «МАРКА Б, содержание азота 34%», дальше были надписи совсем мелким шрифтом, но Сергей их уже не читал, написанного выше ему было достаточно. От волнения у него перехватило дух, он очень давно искал это удобрение для своих пиротехнических опытов. Он не поверил своим глазам. Мешок был вскрыт, и он, положив канистру на место, засунул внутрь правую руку и зачерпнул содержимое в пригоршню, затем поднёс ладонь ближе к лицу, и, повернувшись к свету лампочки, внимательно осмотрел вещество из мешка. Это были маленькие белые горошины, размером с гречневую крупу. У Сергея не осталось сомнения, содержимое соответствовало упаковке – это была именно селитра. На время позабыв о бензине и мотороллере, возбуждённый он заметался по гаражу, в поисках тары. В конце концов, его взгляд остановился на стеллаже со стеклянными банками. Схватив двухлитровую банку с полки, он высыпал горсть селитры в неё, а затем зачерпнул из мешка ещё, доверху наполнив её белыми гранулами. Затем взял там же капроновую крышку и закупорив банку, вынес её Антону:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.